

из 2006

Л. Воронкова ФЕДЯ и ДАНИЛКА

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Цигала

© ДИИЧ К/Х

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1958

Handwritten marks resembling the number 2 or similar symbols.

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 98
Октябрьского района
г. Москвы

1970

ГДЕ ОНИ ЖИВУТ

Федя Бабкин и Данилка Цветиков живут в Крыму, в колхозе.

Колхоз со всех сторон окружён горами. Куда

ни посмотришь, всюду горы.

Самая большая гора сверху донизу заросла лесом. Она круглая, будто мохнатая шапка великана. Рядом с ней—другая гора, совсем на неё не похожая. Она поднимается из леса голыми зубцами,—целая гряда острых, каменистых вершин. И вершины эти снизу кажутся то серыми, то синими, то лиловыми. Самый острый и высокий зубец похож на человека. Будто сидит человек, склонил голову и думает о чём-то.

Но это Данилке кажется, что скала похожа на человека. А Федя говорит, что никакого человека там нет, а просто торчат голые камни над лесом.

За этими горами ещё горы. Летом они сухие и жёлтые. А сейчас, пока весна, всюду зеленеет нежная весёлая трава. В долинах, где побольше влаги, цветут дикие тюльпаны. Будто маленькие красные и жёлтые огоньки разбросаны по склонам. А если поднимаешься повыше на горы, то там встретят тебя коротконогие жёлтые крокусы и лиловые фиалки.

Данилка часто приносит с гор цветы. А Федя цветы собирать не любит. Он как только заберётся повыше, то и смотрит, где пасутся лошади. И рад-радешенек, если пастух Иван Никанорыч велит отвести лошадь в колхоз. Сидеть на тёплой спине лошади и мчаться по крутой тропинке—это Феде самое веселье!

А Данилка — вот чудной человек! — к лошади даже подойти боится. Но больше всего оба они любят море. Чуть согреется весной синяя вода, все колхозные ребята уже плавают и ныряют в заливе. И Федя тоже плавает и ныряет, ловит маленьких крабов, гоняется за медузами, борется с волнами, когда они немножко разыграются. А Данилка плещется у берега. Или зайдёт в море по пояс и глядит в глубину — что там растёт на дне морском? Кто живёт там в водорослях? Водоросли весной нежные, мягкие, зелёные. Будто зелёный лужок стелется под хрустальной водой.

ХАМСА

Крепко дружили Федя и Данилка. Но как-то раз они поссорились и чуть было совсем не раздружились.

Ещё с вечера, когда Федя ложился спать, мать сказала:

— Нынче море расходилось, большой прибой. Люблю, когда море шумит!

— А что же хорошего? — ответила ей тётя Фрося, отца сестра. — Шумит и шумит день и ночь, отдыху ему нет. От этого шума одна скука.

«И вовсе не скука, — хотел сказать Федя: — море шумит весело!..»

Но не успел, уснул.

Утром Федя проснулся и сразу услышал, что море бушует ещё сильнее. Он вскочил, вышел на крыльцо. На узкой террасе под черепичным навесом ещё дремала прохладная тень. Но в маленький двор уже пробралось солнце.

Дом, где живут Бабкины, низенький, длинный, под черепичной крышей, как и все дома в колхозе. Он отступил от дороги, взобрался повыше на склон горы и посматривает оттуда на деревенскую улицу светлыми промытыми окнами.

Из этого дома далеко видно. Половину деревни видно, колхозные виноградники на склонах. И море видно. Только выйдешь из хаты,

ступишь на каменные ступеньки, а в глаза тебе так и сверкнёт синяя вода. Море не очень близко: надо всю улицу пробежать, потом спуститься с горы по крутой тропинке. Но отсюда, с крыльца, оно видно от берега до горизонта, до той тоненькой серебряной черты, где вода доходит до неба, а небо спускается к воде.

Сегодня Федя сговорился с Данилкой идти на гору Теп-Сель. На Теп-Селе давно уже работает камнедробилка. Интересно, что же теперь стало там с горой?

Отец сидел на камне во дворе и точил мотыгу.

— Куда нацелился?—спросил он у Феда.

— Никуда,—ответил Федя,—на море смотрю.

Отец не велит Феде ходить в горы: свалится ещё куда-нибудь с кручи, сорвётся и не найдёшь его тогда. Поэтому Федя ничего не сказал ему про Теп-Сель.

Разговор услышала тётя Фрося. Она сидела около глиняной печки, сложенной во дворе, и чистила картошку. А возле неё толклись гуси и всё поровили стащить картофелину из миски.

Утро начиналось солнечное, горячее. Но тётя Фрося как встала, так сразу и повязалась своим тёплым полушалком с зелёной бахромой. С этим полушалком она никогда не расставалась, ни в холод, ни в жару. И повязывала его как-то по-своему, узлом на макушке, так что концы его покачивались над головой, будто зелёная ботва над брюквой.

— И нечего на море смотреть,—сказала тётя Фрося, отталкивая гусей,—на море волна сегодня.

Тут вышла на крыльцо мать. Она была смуглая, черноглазая, всегда весёлая. Федина мать не закрывалась платком от солнца, не боялась жары. И моря не боялась.

— Ну и что ж, что волна!—сказала она.—Да на волне-то ещё веселей плавать! Правда, Федюнь?

Она шлёпнула Федю по спине крепкой ладонью и легонько ущипнула его за нос. Федя засмеялся, замотал головой и закрыл руками нос, чтобы мать ещё раз не ущипнула.

А тётя Фрося сразу рассердилась.

— Гляди солнце-то где—на работу пора!—сказала она матери.

— Да я, сестрица, своё дело знаю!—ответила мать.

— Кур-то на своей ферме небось заморила совсем!

— Несутся не хуже, чем у других!

Мать засмеялась, блеснула своими крупными белыми зубами, и побежала по каменным ступенькам вниз, на дорогу.

— Ох, и грубая!—проворчала матери вслед тётя Фрося.—Крым-чачка!

Феде стало обидно за мать.

— А если кто в Крыму родился, тот плохой?—сказал он и покосился на тётю Фросю голубым глазом.—Мы с мамой крымчаки, моря не боимся. А вы моря боитесь!

— Да как же его не бояться, моря-то вашего? Оно ведь сразу с ног сбивает!

— Это вас сбивает, а нас с мамой не сбивает.

— Цыть!—прикрикнул на Федю отец.—С кем споришь? С Данилкой, что ли, со своим?

Федя замолчал. Он понимал, что со старшими спорить не годится. Но с тётей Фросей как утерпеть, не заспорить?

Тётя Фрося недавно приехала в Крым из чернозёмной Орловской области. И всё-то ей здесь не нравилось. Ни речки нет, ни лесу, ни грибов... А земля-то! Камень, да щебень, да глина какая-то. А покопай поглубже, то и соль. Вон росли, росли тополя у дороги, да и начали засыхать—значит, корни до соли добрались.

Тётя Фрося покачала головой, покивала зелёной бахромой на макушке и обернулась к отцу:

— Ты, братец, хоть бы пошёл да картошку окучил.

— А что её окучивать?—Отец махнул рукой.—Всё равно не вырастет.

— Ну и заехал ты!—вздохнула тётя Фрося.—Ну и нашёл сторонку—картошка не растёт!

— А зато виноград растёт,—не вытерпел Федя.—И абрикосы растут, И даже сливы.

— Ох ты!—насмешливо сказала тётя Фрося.—Тоже мне! Абрикосы-маникосы, а простой картошки—и той нету!

Федя хотел ещё что-то сказать, но встретил сердитый отцовский взгляд и промолчал.

«Когда же он на работу пойдёт?—подумал Федя.—Нам бы с Данилкой на Теп-Сель надо. Данилка ждёт небось!»

Но отец не спешил на работу. Он закурил толстую сигарку, закурил. Надо было идти на виноградники, окапывать лозы. А ему эта работа очень не нравилась. И солнце палит, и земля жёсткая...

Уже д... лет живёт Федя отец в Крыму, а всё будто не дома. Так и ходит всегда будто в раздумье—не уехать ли ему обратно на чернозёмные орловские земли?

Федя начал прикидывать, как бы ему удрать в горы, чтобы ни отец, ни тётя Фрося не видали.

Но тут он услышал какой-то шум на улице, чьи-то голоса. Федя распахнул калитку.

По улице бежали ребята—с бадейками, с корзинами. И не одни ребята. Вон и дедушка Трифонов задыхается, торопится—и гоже с корзинкой. А вон и соседка Катерина бросила охапку хвороста, которую несла в дом, схватила большой таз и тоже побежала на улицу...

Все бежали к морю.

Мимо Федя мчался Васятка Тимаков, без рубашки, в одних трусах, коричневый, как глиняный черепок.

— Что стоишь? — крикнул он Феде.—Хамсу выкинуло!

— Хамсу выкинуло!—повторил Федя.

Он сунулся туда, сюда—ни ведра, ни корзинки. Тогда он схватил бадейку с водой, выплеснул воду под тополь и тоже помчался к морю.

— Где хамса? Какая хамса?—удивилась тётя Фрося, завертела головой во все стороны, и зелёные концы закачались у неё на макушке. Но как увидела, что все бегут к морю с ведрами да с корзинками, засуетилась, схватила кастрюлю, какая попала под руку, и побежала вслед за Федей. Только отец не тронулся с места, он сидел да курил свою пипарку.

На море стоял шум. Шумел весёлый прибой. Кричали над морем чайки, бакланы, нырки... Они сбились густым облаком и, шумя крыльями, повисли над берегом и заливом. Кричали что-то, отгоняя птиц и собак, сбежавшиеся к берегу люди... Кричал и Федя, подбегая со своей бадейкой, а что кричал, он и сам не знал хорошенько.

Море выбросило на отмель хамсу. Хамса шла большим косяком, но то ли прибой подхватил её в заливе, то ли загнали дельфины, только выкинуло хамсу далеко на берег и оставило на песке. Как волна ложится на песок широкими изгибами, так по кромке волны лежала мелкая рыбёшка хамса. Она чуть-чуть трепетала, и казалось, что лежит на белом песке тёмная серебряная бахрома и дрожит и поблёскивает под солнцем.

Все, кто ещё не ушёл на колхозную работу, прибежали на берег подбирать рыбёшку. Сгребали в мешки, в ведра, в корзинки... Сверху налетали птицы, хватали рыбу из-под рук. Со всей округи сбежались сюда собаки и кошки—и откуда их взялось столько! Собаки лаяли, дрались. И все старались захватить хамсы побольше, пока её снова не унесло в море.

Федя не зевал. Он был крепкий, проворный. Быстрые голубые глаза его издали видели, где рыбёшка покрупнее. Он подрался с какой-то задорной чайкой. Эта чайка была смелая, всё старалась выхватить рыбу у него из бадейки. Но Федя живо отогнал её—не такой уж он был растяпа! Правда, пока воевал он с чайкой, чёрный, длинный, как скамейка, пёс Валет успел-таки набить пасть хамсой из его бадейки.

Федя запыхался. Он был весь мокрый, потому что озорные волны набегали и обдавали его с головы до ног. Волны шли издалека, одна,

другая, третья... Шли друг за другом, не уставая, не останавливаясь. А у самого берега поднимались на дыбы, прозрачные, будто стеклянные, с белой пеной на гребне, падали на берег, разбивались и осыпали брызгами всех, кто ходил тут, бегал и суетился...

Федя набрал полную бадейку хамсы, выпрямился, оглядел всё вокруг. Тёмно-серебряная бахрома на песке уже исчезла, почти всю хамсу подобрали.

«А где же Данилка? — вдруг вспомнил Федя. — Что же его не видать? Не слышал он про хамсу, что ли?»

А Данилка сидел в это время у горы Теп-Сель на большом сером камне и ждал друга.

НА ГОРЕ ТЕП-СЕЛЬ

Данилка уже надоело сидеть и ковырять оранжевый лишайник, которым оброс камень. Он то ложился на спину и смотрел в небо, то перевёртывался на живот и разглядывал, как букашки и муравьи копошатся среди низенькой зелёной травы, то пробовал постоять на руках, подняв ноги вверх. Жара начала донимать его, и Данилка вскарабкался повыше—посмотреть, не идёт ли Федя. И оттуда, с горы, увидел, что Федя идёт по улице вместе с ребятами и вёдра у них полны рыбы. Данилка всё понял: он просидел здесь и прозевал такое утро, которое, может быть, за целый год больше не повторится, а Федя убежал один, не позвал его.

Данилка схватил какой-то камень, запустил его что есть силы в расщелину горы. Потом запустил туда же ещё один камень, побольше, и, сунув руки в карманы, пошёл вверх по горе Теп-Сель. У него даже слов не хватало, чтобы высказать свою обиду, горькую, как полынь, по которой ступали его ноги.

Гора Теп-Сель не крутая, округлая, будто каравай. Ни одного деревца не растёт на этой горе, ни одного кустика. Только невысокая пахучая полынь, да чебрец, да какие-то жёсткие колючки.

Дорога кольцом обвивала гору. Вершина её над дорогой была вся усыпана коричневыми гладкими плитками. Когда взрывали гору, то эти плитки летели вверх, а потом дождём падали на склоны.

Камнедробилка работала под самой вершиной. Она шумела, скрежетала, грызла стальными зубами камень. А соседние горы, тихие, безмолвные, словно прислушивались к её грохоту и скрежету и словно боялись её. Может, она и на их склоны влезет и так же будет грызть их каменные бока?

Вдруг Данилку окликнул задорный, звонкий голос:

— Данилка! Куда бредёшь?

В холодке под тенью большого камня сидела Тоня Каштанова, румяная и белобрысая, в синем клетчатом платье. Её брат, Николай Каштанов, работал на камнедробилке.

— Просто посмотреть иду,—сказал Данилка и хотел пройти мимо.

Но Тоня сказала:

— А я воды нашим принесла. Прямо из ключа.

Данилка ничего не ответил и пошёл дальше. Тогда Тоня опять остановила его:

— А наши, как взрывали... так вот что нашли!—Тоня что-то держала в ладонях.

Данилке стало интересно. Он остановился:

— Что?

— Подойди да погляди,—ответила Тоня.—Я, что ли, к тебе пойду?

Данилка сбегал к ней с тропочки, сел рядом в холодок на пахучую полянь. Тогда Тоня раскрыла руки, и Данилка увидел две тусклые жёлтые монеты.

— Деньги?—удивился Данилка.

— Ага... деньги,—неуверенно сказала Тоня.—Старинные какие-то.

— А кто же их потерял?

— Ну, те потеряли, которые жили здесь когда-нибудь.

— На Теп-Селе никто не жил,—сказал Данилка,—я-то знаю.

— Ты знаешь!—засмеялась Тоня.—Ты и на свете-то всего девятый год живёшь! А эти люди жили, когда ещё и нас с тобой не было, и наших отцов не было.

— И моего отца не было?

Данилка никак не мог себе представить, что было когда-то такое время, когда не было его отца.

— И даже деда твоего не было,—сказала Тоня.

— А твоего?

— И моего тоже. Бестолковый какой-то!—Тоня рассердилась.—И не понимаешь ничего! Вот когда будешь историю учить, тогда поймёшь.

Данилка молча смотрел на монеты. Он хотел взять их в руки, но Тоня не дала.

— Мне их самой подержать дали,—сказала она,—чтобы, пока работают, не потерялись.

— А потом?

— Потом наш Николай их к учителю отнесёт. А может, что-нибудь очень важное в этих монетах?

— А когда он понесёт?

— Вот будет перерыв на обед, так и понесёт.—И она крепко зажала монеты в своих горячих ладонях. Солнце палило. Большой камень дышал на них зноем. Тени под камнем почти не оставалось.

— Когда же обед...—начал было Данилка.

И тут, будто по его слову, камнедробилка остановилась, и в горах сразу наступила тишина. Данилка вскочил:

— Пошли!

Тоня вскочила тоже. Она взяла пустой бидончик, который лежал около неё, надела дужку на руку. И снова позвенела монетами в ладонях.

Данилка спросил, стараясь шагать в ногу с Тоней:

— Тоня, они только две нашли? А в земле-то их, если всю Теп-Сель раскопать, может, ещё много? Может, и ещё что-нибудь? Ну там миски или вёдра... Ну раз тут люди жили! А?

Тоня посмотрела на него сверху вниз. Данилка даже до плеча ей не доходил.

— «Миски, вёдра!» Скажет тоже! Вот воробей!

Но подумала немножко и сказала:

— Если покопать поглубже, может, и найдётся. Вот горшки глиняные находили, я слышала...

Тоня и Данилка подошли к машине. Камнедробилка стояла неподвижная, будто внезапно уснула. Только что шумела, работала, грызла камень, размалывала его в щебень, тащила этот щебень на транспортёре, сбрасывала его в кучу... Была такая весёлая, шумная, живая, и вдруг всё в ней остановилось. Барабан с острыми зубьями не крутился, транспортёр замер... Он даже остатки щебня не успел сбросить.

Данилка разглядывал машину, раздумывал и не видел, как подошёл Николай.

— Николай, мы с тобой, ладно?—спросила Тоня.

— Ладно,—ответил Николай.—Только я ведь дожидаться вас не буду. Одна нога здесь—другая там. У меня времени мало.

Вот подумаешь, испугал Николай Тонию и Данилку! Они, как козы, припустились с горы. Николай был высокий, шаги у него были длинные, но он всё-таки отстал от ребят.

Тоня и Данилка то догоняли, то перегоняли друг друга. Если перегоняла Тоня—Данилка сердился, краснел. А если перегонял Данилка—Тоня смеялась:

— Ах ты, воробей! Думает, и правда шибче бегаёт!

Но как она ни смеялась, а к учителеву дому всё-таки первым прибежал Данилка. Весь красный, запыхавшийся, с мокрым лбом, он вскочил на каменную ступеньку и весело поглядел на Тоню. Ага, воробей?

— Ты ничего не нёс,—сказала Тоня,—а я бидон. И ещё эти монетки...

Она разжала ладонь и вдруг примолкла. Глаза её широко раскрылись—в руке была только одна монетка. Тоня растерянно поглядывала под ноги—туда, сюда...

— Потеряла?—испугался Данилка.

— Не знаю...—упавшим голосом ответила Тоня.—Всё время в руке держала...

И вдруг по её загорелым, румяным щекам покатились крупные слёзы, прямо дождём хлынули.

— Это всё ты, Данилка! Если бы не ты, я бы тихо шла... А сейчас Николай... вон он, уже близко... Ой, где же эта монетка!.. Противный ты, Данилка, из-за тебя всё...

Тоня, пристально глядя под ноги, побрела обратно на гору. Искала монету, а сама всё плакала и бранила Данилку.

Данилка надулся, нахмурился. Теперь, оказывается, он виноват!

Он постоял, постоял на ступеньке и тоже пошёл искать монетку. Шаг за шагом поднимался он следом за Тоней.

«Теперь всё равно не найти,—думал он.—Кабы я нёс, я бы не потерял... А теперь где же? Камни, польнь...»

И вдруг он увидел монетку. Тоня давно прошла мимо неё. А монетка лежала в пушистом польнном кустике и чуть-чуть светилась под солнцем. У Данилки забилось сердце... Он подбежал и схватил монету. Да, это она, жёлтая, с какими-то рисунками и нерусскими надписями.

— Тоня!—негромко крикнул Данилка.

Тоня обернулась—заплаканная, с оттопыренными губами:

— Чего тебе ещё?

Данилка молча показал ей монету. У Тони слёзы на щеках сразу высохли. Она в три прыжка очутилась возле Данилки:

— Нашёл? Давай сюда!

— Я сам понесу,—сказал Данилка.

Но Тоня и слышать не хотела:

— Мои монеты! Мне их дали нести, а не тебе!

— Тебе дали, а ты теряешь.

— Из-за тебя теряю!

И Тоня отняла монету у Данилки.

Данилка не стал спорить. Но ему вдруг стало так скучно, что не захотелось и к учителю идти. Он не догонял и не перегонял Тонию, а медленно шёл вниз, сшибая камушки по пути, и смотрел, как они катились по дорожке.

Тут с Данилкой поравнялся Николай.

— Давай, давай прибавляй шаг!—сказал он.

Данилка молча потряс головой и шаг не прибавил. Но Николай легонько толкнул его в спину и опять повторил:

— Давай, давай! Вместе шли, вместе и прийти должны.

Тоня уже стояла на белых ступеньках. Бидончик висел у неё на руке, а она, сложив ладони, позвякивала монетами. Но посмотрела на Данилку и перестала звякать. А вдруг он сейчас возьмёт да и расскажет Николаю, как она дорогой монету потеряла?

Но Данилка молчал. И Тоня успокоилась, засмеялась:

— Шагай, шагай, воробей! Сам к учителю просился.

Николай поднялся на веранду, всю завитую голубым вьюнком. Хотел постучать в белую учительву дверь, но дверь открылась сама. Учитель услышал голоса и вышел на терраску.

— Здравствуйте, Фёдор Савельич,—сказал Николай и снял кепку.

— Здравствуйте, Фёдор Савельич,—повторила Тоня.

И Данилка прошептал:

— Здравствуйте.

Учитель позвал их в холодок, где вьюнок завился погуще, усадил на скамейки. Николай взял у Тони монеты и протянул учителю:

— Вот взрывали гору и нашли. Стоящее что-нибудь или так себе?

Учитель долго разглядывал монеты сквозь свои большие очки. Вертел их, читал надписи на нерусском языке. И всё повторял:

— Интересно.... Интересно... Мне кажется, очень стоящие,—сказал он, когда разглядел монеты со всех сторон.—По-моему, это очень древние монеты. Завтра же поеду в Феодосию, покажу их в музей. Может, на этом холме целый город под землёй лежит! Молодец, Коля, что ко

мне пришёл! Очень интересная находка. Особенно вот эта. Тут все надписи отлично сохранились!

И он указал как раз на ту монету, которую Тоня потеряла, а Данилка нашёл.

— Это я их несла всё время!—живо сказала Тоня. Ей очень хотелось, чтобы учитель её похвалил.—Это я их всё время берегла. Они работали, а мне дали беречь. Это я...

Тоня опять вспомнила про Данилку, быстро взглянула на него и замолчала. Но учитель ничего не заметил.

— Умница,—похвалил он Тоню.—Я так и в Феодосии скажу, что ты их берегла.

От этих слов Тоня стала румяная, как пион.

Николай встал, простился с учителем:

— Мне пора. Перерыв скоро кончится.

— Ступай, Коля, ступай,—сказал учитель.—До свиданья, товарищи!..

И всем подал руку—и Николаю и Тоне. И Данилке подал.

— Ты хоть и не хранил и не нёс, но и тебе спасибо, Данилка Цветиков. Сопровождал всё-таки.

Данилка ничего не ответил.

Вышли на улицу. Николай ушёл на гору. А когда он ушёл, Тоня ласково сказала:

— Ты, Данилка, не сердись, что я тебя воробьём называла. Это я так, в шутку.

Она была очень рада, что Данилка ничего не сказал Николаю про монету. И учителю не сказал.

— Знаешь, Данилка, ты хоть и маленький, а молодец. С тобой дружить можно. Давай дружить?

Но Данилка ничего не ответил. Он сунул руки в карманы, повернулся и пошёл по мягкой пыльной деревенской улице.

Тоня посмотрела ему вслед и нахмурилась. Такому воробью сказала—давай дружить, а он повернулся и пошёл. Вот ещё!

Тоня сердито забросила косу за плечо. Она запела погромче, чтобы Данилка слышал, и пошла домой. Дом их стоял высоко, на склоне горы. Она шла и оборачивалась и поглядывала сверху на Данилку.

А Данилка уходил всё дальше и дальше. Он ни разу не обернулся, будто Тони и вовсе не было.

Цветиковы жили в низинке, под самой горой. Это было хорошее местечко. От северных ветров загораживала гора. От палящего солнца заслоняли деревья. Высокие тополя посажены здесь давно, их ещё отцов дедушка посадил. Они сверкали на солнце листвою и зеленели с весны до осени—в этом месте под почвой была вода.

Оттого, что была вода под почвой, хорошо росли в саду сливы, яблоньки и абрикосы. Вот они стоят все в цвету, белые и розовые. И люди, проходя мимо по улице, любят садом—будто светлое облако спустилось к Цветиковым на участок.

Данилка, не заходя домой, перелез через низенькую, сложенную из жёлтого камня стенку.

Пролетел ветерок, посыпались с абрикосов розовые лепестки прямо на голову Данилке. Свежая трава дохнула ему в лицо прохладой. Красные маки закивали ему головками из травы. Будто весь садик обрадовался, что Данилка, набегавшись по горам, пришёл наконец домой.

И у Данилки стало полегче на сердце. Он забрался на отлогую, заросшую травой крышу погребца и уселся здесь в холодке.

На крыше росли маленькие цветы. Тут и жёлтый мышиный горошек был, и какие-то лиловые цветочки, и белые... Они подняли свои головки и радостно глядели в небо.

— Вот и буду здесь сидеть,—проштал Данилка.—Прохладно, ветерок... Пускай он там рыбу таскает... по жаре...

— Ты с кем?—вдруг окликнул Данилку Федя.

Данилка и не видел, как Федя вошёл в сад. Он стоял около погребца, глядел на Данилку. А в руках у него была голубая миска, полная свежей хамсы.

Данилка ничего не ответил. Он лёг на спину прямо на жёлтые и лиловые цветы и стал глядеть в небо.

— А я тебе рыбы принёс,—сказал Федя.

Данилка молчал. Федя стоял и переминался с ноги на ногу. Он понимал, что Данилка не зря на него обиделся. Но что же теперь? Так им и молчать всё время?

— У мамки на птицеферме завтра цыплята начнут вылупляться,—

сказал Федя. Он всё ещё держал голубую миску и легонько потряхивал её, пошевеливая рыбок.—Хочешь—пойдём утром?

— Как на Теп-Сель?—отозвался Данилка. А сам и не оглянулся на Федю.

— Будешь теперь вспоминать!—сказал Федя.—Куда рыбу-то?

— Куда хочешь.

Тут Федя подумал, что пора и ему рассердиться:

— Куда хочешь? Ну и ладно. Вот отдам когу, и всё.

Серый кот уже давно ластился около его ног. Федя опрокинул миску, рыбки выскользнули на траву. Кот бросился к рыбе, а Федя повернулся и убежал со двора.

Данилка вскочил, посмотрел ему вслед. Хотел его окликнуть, но нахмурился и промолчал. Пускай бежит. А на что Данилке такие товарищи?

Так и вечер подошёл. Мать пришла с виноградников. Она очень устала. Целый день она со своей бригадой обрезала лозы, подвязывала молодые побеги, чтобы они вверх росли. Как села на ступеньки, уронила на колени свои загорелые руки—так, думалось, и просидит до утра.

Данилка принёс холодной воды. Она сняла платок, умылась. И усталости у неё сразу убавилось.

— Спасибо, сынок,—сказала она.—Какие у тебя новости?

— На Теп-Селе был. Камнедробилку смотрел.

— С Федей?

— Нет. Один.

Мать разговаривала, а сама собирала ужин. Накрыла скатёркой стол на терраске, принесла хлеба, положила ложки. Данилкина мать всё делала без шума, без суеты. И говорила негромко, словно баюкала.

— А ещё куда ты ходил, сынок?—спросила мать.

— В гости ходил.

— Ох ты! Куда же? К кому?

— К цветкам на погребную крышу.

— Вот как? И хорошо тебя там встретили?

— Хорошо. Радовались мне.

Мать поглядывала на Данилку и тихонько улыбалась. Когда она была маленькая, то так же, как и Данилка, любила придумывать всякие сказки.

— Значит, и сидели с Федей, как воробьи на крыше?

— Нет. Один сидел.

Мать положила хлеб, который начала было резать, и внимательно посмотрела на Данилку:

— Это что же значит, сынок? Почему же ты всё один да один? А почему не с Феей?

Данилка насупил и принялся ковырять трещинку в белёной стене. И понемногу, не сразу, рассказал матери всё—и про хамсу, и про то, как Феея убежал на море, и про то, как рыба досталась коту...

— Ну, это ничего,—успокоила Данилку мать.—Это просто так, тучка налетела. Феея просто ошибся немножко, забыл тебя позвать. А ты ошибся—обиделся на него. Завтра солнышко взойдёт, и тучка растает.

Данилка задумчиво посмотрел на мать:

— Растает?

И мать повторила тихо и ласково:

— Обязательно растает, сынок. Уж я-то знаю. Разгладь брови, взгляни повеселей—вот и отец наш ужинать идёт!

Ночь была жаркая, душная. И день наступил жаркий. А потом рванул ветер. Зашумел тополь, залепетали абрикосовые деревья в саду. Захлопало на верёвке бельё. Данилке показалось, что все эти рубашки, простыни, наволочки изо всей силы схватились за верёвку, держатся и очень боятся, как бы ветер не сорвал и не унёс их куда-нибудь в горы.

«Хорошшшо, хорошшшо бы дожжждичка...»—прошелестел жёсткими листьями тополь.

«Это нам нужно дожжждичка,—залепетали абрикосовые деревья за стенами дома.—Нам абрикосы соком наливать надо...»

Данилка стоял на крыльце и слушал, как шумят деревья.

Вдруг у калитки закричали:

— Данилка, ты дома?

— Дома!—закричал в ответ Данилка.

Во двор вошла Федина тётка, тётя Фрося.

— А Федоньки у вас нету?—спросила она.

— Нету,—ответил Данилка.—А что?

— Ах, чтоб ты лопнул!—с сердцем пожелала тётя Фрося.

— А зачем это я лопну!—обиделся Данилка.

— Да не ты, а Федонька,—сказала тётя Фрося.—Неужели опять на пастбище убежал? А в горах-то—гляди что!

Тётя Фрося покачала головой, и зелёные концы закачались у неё па макушке.

Данилка посмотрел на горы. Каменный человек закутался в белый туман. На круглое темя Большой горы, будто огромная тёмная перина, навалилась тяжёлая туча. Она зловеще клубилась, наползала на гору и по склонам спускалась в долину. Туча становилась всё темнее, чернее, и в густой черноте её беззвучно прыгали длинные огненные иголки.

— Гроза идёт!..—прошептал Данилка.

Тётя Фрося, вполголоса браня Федю, пошла дальше, по дороге. Может, он с отцом на виноградник увязался? Хорошо, если с отцом. А если один где-нибудь в горах—так пропадёт же! Когда дождь да гроза, в горы не суйся—смоет водой.

Данилка стоял на своём дворике и смотрел, как молнии вонзаются в горные вершины. Он весь съёжился от страха, даже плечи у него приподнялись. Правда, а где же Федя?

И вдруг Данилка вспомнил. К матери на птицеферму Федя убежал, вот куда. Ведь он же звал вчера Данилку цыплят смотреть!

Данилка снова поглядел на горы. На вершинах сверкало всё грознее, и уже далёкий глухой грохот доносился оттуда. Данилке-то хорошо, он дома, а вот как Феде сейчас? Может, Федя ещё не дошёл до птицефермы? Птицеферма далеко от колхоза, стоит на высокой горной гряде, над тихой большой запрудой. Может, бежит Федя один по горным тропинкам, а гроза уже сверкает кругом!

Данилка незаметно выскользнул за калитку и торопливо зашагал по дороге. Он пошёл в горы искать Федю.

Данилка никому не сознался бы, что был трусоват. Он, например, боялся лошадей. Ему так и казалось, что лошадь непременно ударит его копытом. Боялся коров, даже своей Краснушки боялся. Вои у неё

какие рога! А для чего же тогда эти рога, как не для того, чтобы бодаться?

И грозы боялся. Сердце замирало у Данилки, когда он, свернув с дороги, бежал по узким тропочкам, протоптанным скотиной. Бока окрестных гор были все разлинованы узкими тропками. Много-много таких тропочек тянулось по склонам, беги по какой хочешь. Всё потемнело—и небо, и горы, и узкие долины... И пусто кругом, и тихо. Один только Данилка бежит, и сердце у него колотится от страха. Иногда остановится, покричит:

— Федя! Федюнька! Эй!

Но лишь эхо в горах отвечает ему: «Эй!» И словно подсмеивается над Данилкой.

Б У Р Я

А Федя уже давно мчался по склону горы, перескакивал с тропки на тропку и воображал, будто скачет на сером Соколике, на лучшем колхозном коне. Федя погонял коня, торопился. Ему надо было скорей попасть на птицеферму, там, может быть, уже все клушки с цыплятами ходят. Мать ещё с вечера ушла туда, на ферме и ночевала сегодня. Когда начинают выводиться цыплята, тут особенно надо следить за ними.

Крепкие Федины ноги с короткими пальцами и загрубевшими пятками так и мелькали по тропке. Иногда Федя натякался на колючие кустики, которые всюду, словно ежи, сидели по горам, и высоко подпрыгивал от боли. Но не останавливался, а мчался дальше.

За двугорбой горой Федя спустился вниз. Солнце было невысоко, и длинные лучи сбоку, с моря, освещали узкую зелёную долину. На траве, на цветах, на молодых зелёных колочках дикого перца, на пушистых кустиках полыни—всюду дрожала и блестела роса. Щebetали стрижи и ласточки, пели во весь голос чёрные дрозды. Они недавно прилетели из-за моря и теперь отдыхали здесь, в долинах. От птичьих песен просто звон стоял!

Земля в долине была изрезана глубокими трещинами. Это вешняя вода с гор каждый год роет и углубляет их. Они такие глубокие, что если взрослый человек идёт по дну, то его совсем не видно. Колхозный агроном называет эти трещины каньонами.

В одном, самом глубоком каньоне колхозники заперли воду плотиной. И в долине теперь появилась полная до краёв река. Только не было волны в этой реке, и течения не было. А вода стояла светлая и зелёная—светлая от солнца, а зелёная оттого, что в ней, как в чистом зеркале, отражались зелёные крутые берега.

Федя, твёрдо ступая крепкими пятками, прошёлся по плотине. Вот это запруда! Вон сколько земли насыпано, да ещё камнем забито. Ну что ж, надо коров, лошадей поить. Овец вон огромные стада по горам пасутся—им тоже пить надо. А птицеферма? Тут и гуси и утки—всем вода нужна. В море-то не больно напьёшься.

Федя посмотрел туда, где за увалами шумело море. Оно было тёмное сегодня, волны с белыми гребешками бежали к берегу откуда-то из далёкой дали... Что-то тревожное почудилось Феде в этом шуме волн, море будто сердилось и грозило кому-то...

Но Федя тряхнул головой и снова весело запрыгал по плотине. Вон уже и ферма показалась на горе, на той стороне долины. Длинный, низкий дом, множество маленьких окошек, и в каждом из них—пучок солнечных лучей. А вокруг этого дома на зелёной траве будто снег выпал—белые куры и гуси. Вот отошла в сторонку стая гусей, поднялась в воздух, зашумела крыльями, пролетела над долиной и плавно опустилась на воду. Вот уже и плывут белые гуси по тихой воде, разбивают её в мелкую зыбь. А зыбь эта и зелёная от берегов, и золотая от солнца.

— Здрово летают,—одобрительно сказал Федя.

Если бы Федя перешёл плотину и поднялся по белой дороге наверх, на горную гряду, он бы скоро попал на птицеферму. Но ему очень понравилось глядеть на гусей, которые плавали и плескались в запруде, и он шёл по берегу тихой воды всё дальше и дальше в цветущую долину.

Вдруг Федя заметил, что зыбь на воде сразу погасла—и зелёная и золотая. Мрачная, тёмная стала вода.

И тут же умолкли птицы, долина потемнела. Далёкий гул прозвучал в горах.

«Гром, что ли?»—подумал Федя.

И оглянулся назад, на Большую гору. А Большую уже и не видно было, чёрные тучи закрыли её всю, и белые молнии сверкали в них.

Федя мигом сообразил, что надо бежать куда-то: или на птицеферму, или обратно домой.

«На птицеферму ближе»,—решил он и пустился через долину.

Вдруг крупный дождь заплескал вокруг него, застучал по голове, по плечам. Федя сразу словно ослеп. Только что зеленели горы, сверкала окнами птицеферма, а сейчас, за дождём, не было ничего: ни горы, ни фермы, ни сверкающих окон. Только издали слышно было, как кричали куры и гуси, которых птичницы загоняли во двор.

Федя растерялся. Ведь если не видишь, куда бежишь, то недолго и в каньон сорваться. А под ногами у него уже хлопала вода, струились мутные, бурливые ручьи... Становилось всё темнее, а молнии то здесь, то там вонзались в землю.

Голоса на птицеферме затихли, и Федя уже бежал куда-то наугад. Он попробовал кричать: «Мамка! Мама!»—но даже и сам не услышал

своего голоса. Он не чувствовал, как дождь хлещет его. Он помнил и понимал только одно: лишь бы выбраться из долины, лишь бы не застигла его здесь большая вода и не утащила в море. Он знал, что там, в горах, в верховьях, уже собираются бурные кипучие потоки, соединяются вместе и мчатся вниз, в долину, к морю... Только бы успеть проскочить самую низину!

Неожиданно далёкий крик остановил Федю. Феде почудился Данилкин голос. Но тут под ноги ему бросилась бурливая пенная вода. В низинку, через которую он хотел пробежать, ворвался широкий коричневый поток. Поток с рёвом ринулся в каньон, и берега каньона тут же обвалились в воду вместе с кустиками полыни... Федя отпрянул, затоптался на месте. Он уже не знал, куда ему бежать. Он не видел ничего, кроме дождя. А вода шумела кругом и заливала долину.

И тут снова раздался крик—отчаянный, со слезами. И Федя ясно услышал, что это кричит Данилка:

— Федя-а-а, Федя-а-а!..

Федя повернул назад и побежал в ту сторону, откуда слышался Данилкин голос.

Данилка стоял на склоне горы. Он припал к большому камню, чтобы не соскользнуть вниз, и звал Федю. Он уже охрип от крика, но всё звал и звал Федю и кричал и плакал от страха. Данилка сначала смутно видел, как Федя бежал по краю каньона. Потом дождь заслонил его, и Данилка не знал, бежит ли ещё Федя, скользя по воде и согнувшись от дождя, или уже унесло его водой в каньон. Но он всё кричал и кричал:

— Федя-а!.. Федя-а!.. Федя-а!

И вдруг он увидел Федю внизу. Федя карабкался на глинистый склон, где стоял Данилка. Ноги его скользили и расплзались, потому что здесь не было травы, а лежал лёсс—почва, намытая с гор. Утром идти по этому лёссу было жёстко и колко, он весь был сухой, весь в мелких трещинах, будто не земля это была, а глиняные черепки. А сейчас, под дождём, лёсс расплзался, как тесто, хватал Федю за ноги, не пускал его. Федя скользил, падал, вскакивал и опять падал.

Данилка начал сползать вниз с горы, к Феде. Но Федя уже вцепился в колючий куст боярышника и крепко держался за него.

— Стой там!—крикнул ему Данилка.—Я иду к тебе!

Данилка подобрался к Феде, протянул ему руку. Так, цепляясь за маленькие колючие кусты боярышника и держи-дерева, вылезли они наверх, на гору. Будто на их счастье выросли здесь эти кусты.

Мокрые дотла, испуганные, исцарапанные, Федя и Данилка выбрались на шоссе. Дрожа и от холода и от пережитого страха, они торопливо и молча шагали по гудрону.

Вдруг Федя поглядел на Данилку:

— А ты откуда на горе взялся?

Данилка повёл плечами, обтянутыми мокрой рубашкой:

— Ну, вот и взялся. Пришёл, и всё.

— И грозы не боялся?

— Ну... боялся. А тебе что?

Федя больше ни о чём не стал спрашивать. Хоть и крепкий он был, а едва-едва удержался, чтобы не заплакать. Ещё бы немного—и, пожалуй, будь здоров, нырнул бы в каньон. Если бы не Данилка!

Дождь редел. Небо светлело.

«Хорошо—хорошо...»—шептал блестящими жёсткими листьями тополь во дворе у Данилки.

И абрикосы лепетали чуть слышно:

«Хорошш дождичек... хорош... хорош...»

ДАНИЛКА ПРОМАХНУЛСЯ

В этот день мать никуда больше не пустила Данилку. Она дала ему чистую сухую рубашку, чистые штаны с заплаткой на коленке и велела сидеть дома:

— Сиди вот и читай книжку.

Сама она тоже прибежала с виноградников вся мокрая. Дождь прогнал их с работы.

Мать прибиралась во дворе. Разрыхлила землю под олеандрами— скоро зацветут олеандры,—замела мусор, собрала щепки от дров...

Данилка держал книжку в руках, а сам смотрел, как мать прибирает дворик. Он бы и сам подобрал щепки и замёл мусор. Но мать закутала его в тёплую шаль и велела сидеть и греться. Данилка болел зимой воспалением лёгких, вот теперь мать всё и боится, что он опять заболит.

— А у нас новости,—начал Данилка.

Он всё ждал, когда мать заговорит с ним. Но мать так захопоталась, что и забыла про Данилку. Однако услышала про новости и тотчас улыбнулась:

— Ну! Какие же это, сынок?

— Вот—ласточки-воронки хотели над самой дверью угнездиться. Я им сказал: «Здесь вам не место, вас кот живо достанет».

— А они что сказали?

— Они сказали: «Ладно. Хорошо, что про кота напомнил». И улетели.

А потом Данилка стал спрашивать:

— А тебе лозы на винограднике что говорили?

— Говорили: «Обрежь скорее ненужные ветки. Они нам мешают. Если они останутся, виноград у нас будет мелкий и совсем никудышный!»

— И тогда ты стала обрезать?

— Конечно. И я. И вся наша бригада. Обрезаем, подвязываем. Обрезаем, подвязываем. А лозы нам спасибо говорят и всё поторапливают.

— А им больно, когда обрезают?—спросил Данилка.

— Нет!—Мать легонько махнула рукой.—Они только рады!

Отец, нагнувшись на лоб большую соломенную шляпу, сидел в дворе под тополями. Он чинил рыболовную сеть, курил трубку и молча слушал. А потом сказал:

— Всё чепуху мелете. Кто у вас большой, кто маленький, не разберёшь. Ты, парень, лучше учился бы вот сети плести, а ты только языком небыллицы плетёшь. У всех рыбаков ребята сети плести умеют.

— Все рыбаки берут ребят рыбу ловить,—сказал на это Данилка,— а вы меня, папа, никогда не берёте.

— Правильно сказал, сынок,—поддержала Данилку мать.

Отец прищурил свой чёрный глаз:

— А что ж я тебя на кораблѹ вместе с топчаном потащу?

— А разве я, папа, к топчану прибитый?

Отец усмехнулся:

— Ладно. В таком случае, разбужу. Но если сразу не вскочишь, прощай. Один уйду.

Данилка долго не мог уснуть в эту ночь. Всё думал—как-то он с отцом пойдёт к рыбакам, как-то он сядет с ними в лодку... А вдруг да ещё и на кораблѹ возьмут?

Кораблѹ рыбаки называли деревянную вышку, которая стояла посреди залива. Если взобраться на эту кораблѹ да посмотреть вниз, то всё морское дно сквозь воду увидишь. И всю рыбу увидишь... У Данилки сердце замирало от волнения, и он всё ворочался на своём топчане.

Давно уже затихла деревня. В доме все спали—и отец и мать. И серый кот спал. И поросёнок спал во дворе; слышно было, как он похрапывал во сне. И куры спали, забравшись на развесистый кизилевый куст под окнами. Белые, будто комья снега, сидели они среди тёмных росистых веток и спали, попрытав головы под крыло.

Вышел месяц, заглянул на терраску к Данилке:

«Ты не спишь, Данилка?»

«Не гляди на меня,—прошептал Данилка,—я засну сейчас».

И заснул. Да так крепко, что и не слышал, как его окликнул отец.

И только когда отец тронул его за плечо, Данилка очнулся. Он не сразу понял, что надо отцу. Зачем он будит Данилку? Ведь ночь только сейчас наступила!

— Вижу, к топчану ты всё-таки прибитый,—сказал отец.—В таком случае, один ухожу!

Данилка сразу вскочил.

На земле стояла ночь. Месяц прошёл свою дорогу над морем и повис над чёрным гребнем горы Кок-Кая. И звёзды ещё мерцали. И деревня ещё спала.

Лишь далеко, над засиневшими холмами, брезжила в небе светлая полоска. И так слабо она светилась, что сразу и не понять, заря это начинается или просто так, небо от звёзд побледнело...

Данилка торопливо оделся, нашёл свою кепку. Тёплая постель тянула под одеяло—так бы и бросился, укрылся да как уснул бы! Ох, и сладко уснул бы! Трудно вставать на заре. И как это отец каждое утро так рано встаёт?

— Пальтишко накинь,—сказал отец,—продрогнешь.

— А вы?—спросил Данилка.

— А я так. Я привык.

— Ну, и я так.

Тихая была улица. Пустая. Данилка торопливо шагал за отцом, спросонья ёжился от холода и поглядывал по сторонам. Это их деревня? Или чужая чья? Такими незнакомыми казались ему тёмные, тихие дома.

Прошли мимо Фединога дома. Данилка поглядел наверх, на тёмные окна. Чёрный Валет залаял было из-за калитки, но тут же узнал своих и умолк. Вскрикнул гусак спросонок и тоже замолк.

«А Федя спит и не знает ничего»,—улыбнулся Данилка. И тут же подумалось Данилке, как все ребята удивятся, как позавидуют, когда узнают, что Данилка с рыбаками рыбу ловил!

Рыбачий домик стоял на самом берегу моря. По берегу лежали разостланные сети. Данилка не разглядел их, сразу запутался и упал.

— Ага, окунёк попался,—сказал бригадир дядя Егор.—Куда его—солить или в консервы?

Рыбаки засмеялись. Данилка вскочил, на лбу у него даже пот выступил от смущения. Не успел прийти, уж и на смех людей навёл!

— Ничего, ничего,—подбодрил его молодой рыбак Саша,—мы вот с ним сейчас на корабле отправимся. Дежурить.

— Куда ещё—дежурить?—сказал дядя Егор. Он хоть и любил шутку, но был суровый человек.—Что за баловство на работе?

— Приучать надо,—ответил Саша.—А где ж мы смену себе возьмём, если не будем ребят с малолетства приучать?

Рыбаки поспорили. Только отец молчал. А Данилка глядел то на одного, то на другого. И больше всего на Сашу. Отспорит он его или не отспорит?

Саша отспорил. Данилка вприпрыжку побежал за ним к воде, где на мелкой зыби качалась рыбацья лодка.

— Только ни звука!—сказал Саша Данилке.—Сиди, как мышь. А то она живо услышит и уйдёт. Или тень твою увидит на дне. Испугается—и конец! Сколько раз так бывало.

— Кто—она?—спросил Данилка шёпотом.

— Рыба, кто же ещё? Как влезем на корабле, так и замри. Понял?

— Понял.

Яснее стала заря. Виднее стали дальние горы. Чуть заметные розовые блики побежали по морю. Проснулись чайки-мартыны—крупные птицы с чёрной полосой на крыльях. Они, будто стадо домашних уток, качались на воде около сетей. Мартыны ждали улова. На рассвете рыбаки будут выбирать рыбу из сетей. Крупную рыбу возьмут, а мелюзгу, мальков всяких, выкинут. Вот тут-то у мартынов и пойдёт пированье! Наедятся рыбы и опять будут качаться на воде и дремать в голубом заливе.

Тихо подошла лодка к кораблю. Тихо, без шума взобрались Саша и Данилка на деревянную вышку. Саша разостлал свой пиджак, велел Данилке лечь и сам прилёг рядом. А то, если рыба пойдёт да увидит человека на вышке, так и прощай! Повернётся и уйдёт обратно в море.

Саша и Данилка тихо-тихо лежали на вышке. Данилка даже вздохнуть боялся—как бы рыбу не спугнуть. Он смотрел и смотрел в тёмную глубь моря, разглядывал длинные сети, протянутые поперёк залива. Ярче разгоралась заря и светлее становилась тихая морская вода. Тишина стояла такая, что слышно было, как далеко, в деревне, поют петухи. Вдруг Саша легонько тронул за плечо Данилку:

— Слышишь?

Данилка прислушался. Какой-то глухой шум шёл по воде. Данилка

приподнял голову—море лежало гладкое, светлое, невысокие волны одна за другой шли к берегу...

И вдруг Данилка увидел, что широкие волны стали рябями, они словно изломались в мелкие кусочки, зашелестели, закипели. Данилка высунулся с корабля—в залив, прямо в растянутые сети шла кефаль. И шла она так густо, что тёрлась боками друг о друга, оттого шум и шорох шёл по воде.

Не успел Данилка высунуться, как Саша дёрнул его назад. Да так дёрнул, что Данилка чуть не слетел с корабля. Однако было поздно. Кефаль сразу, словно по команде, повернула и ринулась обратно в море. Ещё больше вскипела вода, но вскоре и затихла. Мерные широкие волны тихо пошли к берегу.

Саша, коричневым от загара, в полосатой тельняшке, стоял во весь рост на корабле и, сдвинув брови, мрачно глядел, как уходила кефаль. Мускулы на его руках и на спине лоснились, будто смазанные тёмным ореховым маслом. Данилка ни жив ни мёртв сидел на разостланном пиджаке и ждал, когда Саша обернётся к нему. А Саша всё стоял и глядел в море, словно даже и взглянуть не мог на Данилку.

— Ну, так,—сказал он наконец,—нарыбачили мы с тобой.

Если бы вдруг подломилась корабля и Данилка полетел вниз, в глубокую воду, ему лучше было бы, чем теперь. Он сидел, опустив голову,—пускай Саша ругает его, пускай даже наподдаст! Подумать только, что Данилка наделал!

Но Саша не стал ни ругать, ни бить Данилку. Он только крикнул и сказал:

— Собирайся, рыбак, на берег. А как подойдём к берегу, выскакивай и беги. Я уж как-нибудь один с артелью договорюсь.

Данилка только посмотрел на Сашу. Лучшее этого человека для него сейчас на свете не было.

Так они и сделали. Спустились в лодку, поплыли к берегу по розовой зоревой воде. А чуть лодка коснулась прибрежного песка, Данилка выскочил на берег и, как заяц, припустился домой.

Мать уже подоила корову и выгоняла её со двора. Рыжее стадо шло по улице, поднимая невысокую пыль. Краснушка, такая же рыжая, как все колхозные коровы, пошла вместе со стадом. А мать увидела Данилку и остановилась у калитки.

— Что случилось, сынок?—ещё издали спросила она тревожным голосом.

Данилка молча прошёл мимо неё во двор.

— Что случилось, Данилка?—У матери даже голос пропал, так она испугалась.—С отцом что?

— Нет, не с отцом...—еле выговорил Данилка и залился слезами.

Мать села на ступеньки под зелёными олеандрами и Данилку посадила рядом. Данилка поплакал, а потом всё рассказал матери. Мать с облегчением вздохнула—ничего, никакого несчастья не случилось!

— Зато теперь ты понял, как надо на корабле дежурить,—сказала она,—и то хорошо.

— Да, хорошо,—не то сказал, не то проскрипел Данилка,—а отец-то... А ребята теперь все смеяться будут...

Но мать успокоила Данилку:

— А отец-то разве сразу хорошим рыбаком стал? Тоже сколько раз ошибался, пока научился рыбу ловить. А ребята? Ну что ж, посмеются да перестанут, какое горе! Ты лучше послушай-ка, что вёдра говорят...

Данилка улыбнулся:

— «Мы пустые»,—это они говорят?

— Угадал, сынок!

Мать пошла топить печку, а Данилка схватил вёдра и побежал к источнику.

ВОДА УШЛА

Данилка шёл к источнику, а сам всё думал: узнали уже или ещё не узнали в деревне, как он рыбу спугнул? Если узнали, то сейчас от разных насмешек Данилке и деться будет некуда.

Чем ближе он подходил к источнику, тем медленнее были его шаги. Он шёл и всё боялся. А ноги всё-таки привели его туда, где у самой скалы стояла каменная колонка с большим краном.

«Ух, народу сколько!—с досадой подумал Данилка.—Весь колхоз собрался!»

И правда, возле колонки что-то очень много нынче собралось народу. Все приходили, и никто не уходил. Толпились, кричали—не то бранились, не то жаловались.

«Что-то случилось!»—догадался Данилка и ускорил шаги, забыв о своей беде.

— Воды нет! Воды нет!—вот что кричали в толпе.—Вода ушла! Ах ты, горюшко, воды нет! Что же нам делать? Воды нет! Председателя! Зовите председателя—воды нет!

Данилка протолкался сквозь толпу к источнику. Кому-то наступил на ногу, кто-то дал ему подзатыльник, но он даже не заметил этого. Каменная колонка стояла сухая. Из отвёрнутого крана не падало ни капли. И в большом корыте, куда наливали воду скотине, светилась лишь маленькая длинная лужица.

Пришёл председатель, Тихон Иванович. Невысокий, но широкоплечий, он раздвинул толпу и подошёл к колонке. Завернул кран, снова отвернул. Воды не было. Тихон Иванович задумался, шевеля своими большими свислыми усами.

— Ушла вода,—сказал он.—Где-то в горе водяную жилу перерезало.

— Что ж делать-то?—чуть не с плачем спросила тётя Фрося Бабкина.—Чем же мне теперь свою картошку поливать?

— Нашла о чём говорить!—закричала телятница Анна.—О картошке! Тут вот телята придут из стада—чем я их поить буду? А то картошка!

— А лошади? Где лошади напьются?—закричал и конюх Василий Барабулькин.—Чем я лошадей напою?

— Лошадей можно к водохранилищу сгонять,—заговорили другие колхозники.—А сами мы что пить будем?

— Ох, что ж нам делать-то! Конец пришёл!—заголосили колхозницы.

И такой шум подняли, что председатель рассердился.

— Оттого, что вы голосите, вода не появится,—сказал он.—Кто свободен—снаряжайтесь за водой в совхоз и в горы—к Лягушачьему источнику. А я сейчас в Феодосию поеду, буровиков вытребую. Дело налаживать надо, землю бурить, воду искать, а не кричать здесь попусту!

Данилка с пустыми вёдрами пошёл обратно домой. Он шёл и думал: «Вот так дела... А как же мы сегодня без чаю, без супу? А умыть-ся—на море бежать?»

Он свернул к Феде. В окнах у Бабкиных ветер трепал жёлтые занавески—наверху ветру гулять свободнее.

Данилка хотел крикнуть, но чёрный Валет уже увидел Данилку, залял и завилял хвостом, и сам Федя выскочил на крыльцо. Ещё не умытый, с вихрами на макушке, он сбежал, а вернее—скатился вниз по крутой каменной лесенке.

— Что это?—спросил он.—Что кричат?

— Вода из колхоза ушла,—ответил Данилка.

— Как—ушла?—не поверил Федя.—Всегда ты выдумываешь!

— А очень просто.—Данилка погремел пустыми вёдрами:—Видишь?

Большая беда нагрянула в колхоз: люди, скот, сады, огороды— всё осталось без воды.

Завизжали свиньи на свиноферме—они требовали поила. Пришли в полдень коровы, побежали все к каменной колоде у источника, сунулись, а там пусто, даже лужица высохла. И начали реветь на разные голоса. Жалобно блеяли у пустой колоды овцы и тоже просили: «Воды! Воды!»

Страх, смятение пошли по колхозным дворам. Жалко скотину, а что сделаешь, когда и у самих во рту пересохло.

Солнце уже припекало по-летнему. Оно сушило и сжигало траву на горах, вышивало остатки воды из каньонов и лесных ручьёв, вытягивало влагу из листвы деревьев. А море пригоняло к берегу широкие синие волны, плескалось у песчаной отмели и словно смеялось над людьми:

«Вот сколько воды, а вы плачете, что воды нету! Смотрите, какая светлая, прохладная и весёлая у меня вода! Только что горьковата да солоновата... а зато вот как её много!»

ПУТЕШЕСТВИЕ НА БОЛЬШУЮ ГОРУ

Кадки, бочки, ушаты, большие бидоны с молочной фермы— всё поехало на подводах за водой в горы, к Лягушачьему источнику. Грузовик с цистерной для воды помчался в соседний совхоз. Федя попытался было залезть в кабину, но шофёр его высадил. Федя хмуро посмотрел на белое облачко пыли, которое закурилось по дороге вслед за машиной.

Данилка увидел, что широкие волны стали рыбами.

— На Лягушачий не взяли... В совхоз не берут тоже,—сказал он Данилке,—вон ребята поехали... Тоня Каштанова большая? Подумаешь, какая большая! И Петруша Огородников, если он пионер, так уж очень большой стал! А мы всё маленькие да маленькие...

Васятка Тимаков подошёл к Феде и Данилке:

— Пошли купаться?

— Люди будут за водой ездить, а мы купаться?—угрюмо ответил Федя.

— Ну, а раз не берут?

Васятка повозил ногой в мягкой дорожной пыли. Вокруг него сразу поднялось пыльное облачко. Васятка чихнул и отбежал подальше.

— Пошли на море?—ещё раз позвал он.

— Пошли,—ответил было Данилка.

Но Федя остановил его.

— А давай и мы за водой пойдём,—сказал он, думая о своём.

Данилка посмотрел на него:

— А куда?

— На источник. На Большую гору. Возьмём по ведру и принесём. Пошли?

Долго раздумывать не стали. Взяли по ведру и пошли на Большую гору. Васятка Тимаков тоже было пошёл с ними, но тут же наступил на колючку, захромал и вернулся домой.

Федя и Данилка шли по узкой, крутой тропочке. Долго-долго крутилась эта тропочка, поднимаясь всё выше и выше. Уже недалеко оставалось до перевала, но ребята совсем истомились от жары. И устали, и пить им хотелось. Данилка начал отставать от Феде. Федя останавливался, дожидаясь его. Так брели они среди гор, как две букашки, а тропинка всё бежала и бежала вверх.

Данилка не выдержал, поставил ведро кверху дном и сел на него.

— Федя, посидим!—крикнул он.

Но Федя упрямо шагал к перевалу. И там, где тропинка кончилась, словно уперлась в небо, Федя остановился и закричал:

— Сюда, Данилка! На перевале стою!

Данилка сразу приободрился, схватил ведро и побежал к Феде.

С перевала сразу открылся простор. Горы расступились. Дикие груши и яблони, боярышник и кизил стояли на склоне, словно в саду.

Данилке даже показалось, будто эти кусты и деревья идут потихоньку туда, вниз по склону...

Тропочка уводила куда-то влево, кусты всё гуще стояли по сторонам. А источника никакого не было.

— Может, мы не туда?—сказал Данилка и остановился.—Никакой воды здесь нету.

— Нет, есть,—возразил Федя.—Мать говорила—есть. А уж наша мать знает.

— А может, мы не найдём?

— Нет, найдём.

Федя зашагал вперёд. И Данилка пошёл за ним. Они шли, поглядывая по сторонам, и оба думали:

«А может, и правда не туда пошли? Никакого источника нету...»

И вдруг за поворотом открылся источник. В каменное корыто лилась из узкой железной трубы вода. Она бежала тоненькой струйкой и звенела тоненьким голоском: «Плюм, плюм, плюм...»

Корыто было полно прозрачной воды, а над корытом свисали зелёные ветки деревьев, густой кустарник толпился вокруг, и трава стояла свежая, с цветами.

— Вот и вода!—обрадовался Федя и полез с ведром к корыту.

А Данилка посмотрел на деревья, на кусты, на цветущую траву и сказал:

— Хорошо, где вода есть! Вон как растёт всё!

Федя и Данилка напились, умылись, зачерпнули ведра и пошли обратно. Ребята шли медленно, чтобы не расплескать воду. То и дело перехватывали ведра из одной руки в другую. Оба крихтели, вздыхали, но тащили и тащили помаленьку свои ведра. А в ведрах будто звёзды играли—светилась прозрачная горная вода.

Потихоньку, шаг за шагом, они пришли в деревню. На улице им встречались люди, и все говорили:

— Смотрите, воду несут! Маленькие, а работяги!

Потом встретился председатель. С председателем шёл какой-то чужой загорелый длинноногий человек в синей куртке.

— Куда воду, Тихон Иванович?—спросил Федя.—Хорошая вода, с Большой принесли.

— Видал?—сказал председатель чужому человеку.—Вон откуда, чуть не из-под облаков притащили! Вот какая у нас беда, товарищ Макаров. Ищи нам скорее воду.

Федя и Данилка переглянулись. Это, значит, и есть буровик, которого председатель из Феодосии привёз искать воду! Товарищ Макаров посмотрел на них добрыми серыми глазами, покачал головой:

— Издалека тащили?

— Вон с той горы.—Федя показал на Большую.

— Оттуда? Крепкие вы ребята! В помощники вас беру. Согласны?

— Согласны!—в один голос крикнули Федя и Данилка.

— А воду несите-ка, пожалуйста, домой,—сказал председатель,—ведь у вас вода и дома нужна.

Данилка поглядел на Федю: как быть? Но Федя не колебался:

— Мы не для дома, мы для колхоза!

— Ах, вот что!—Председатель кивнул головой.—Понимаю! Тогда несите к водопою, там овцы стоят, ждут.

Федя и Данилка подхватили свои вёдра и пошли к большому каменному корыту. У корыта тихой толпой стояли овцы. Они уже знали, что в корыте нет воды, и ждали, что же будет дальше. Но увидели Федю и Данилку, почували воду, оживились и все двинулись им навстречу. Данилка растолкал овец и вылил своё ведро в корыто. Федя тоже хотел вылить, но как-то зазевался, овцы затолкали его, сбили с ног. Ведро опрокинулось, и чистая, прохладная вода хлынула на пыльную дорогу.

Федя даже не поднялся. Он сидел и ревел во весь голос. Так ему было обидно! А в луже на дороге уже топтались тётки Фросины гуси. Они радостно гоготали, месили лапами грязь, садились в лужицу, пробовали купаться. И были очень рады, что Федя пролил воду.

— Не реви, Федя,—сказал другу Данилка,—это всё овцы!

— Не овцы, а я!—ответил Федя и заревел ещё голосистее.—Нёс, нёс...

Данилке было очень жалко Федю. Так Феде было досадно, так он бранил сам себя, так горевал!

И Данилка решил его утешить.

— Это что, подумаешь—воду пролил,—собравшись с духом, сказал он,—а вот что я третьего дня наделал, так это да. Натворил!

— А что?—Федя сразу затих и уставился на Данилку.

— Я у рыбаков рыбу распугал.

— О-ёй!

— Ага. С кораблы выглянул.

В это время подъехала машина с цистерной, полной воды.

— Подбериай вёдра!—крикнул шофёр.

Федя и Данилка подхватили свои вёдра и пошли домой.

Федя больше не плакал. Вон у Данилки какая беда случилась, а он и то не ревет.

ВОДА ВЕЗДЕ

Oказалось, что товарищ Макаров поселился у Цветиковых. Данилка и Федя этому очень обрадовались.

— Вы сегодня бурить начнёте?—спросил Данилка.

— Сначала место определю,—ответил инженер,—найду, где вода есть под землёй, а потом будем бурить.

— Воду под землёй не найдёшь,—сказал Федя.

— Это ты не найдёшь, а я найду. Потому что я гидрогеолог.

— А это кто—гидро... гидро?...—Федя никак не мог выговорить этого слова.

— Гидрогеолог—это человек, который знает землю, знает, как земля построена, и знает, где в земле вода.

— А как же вы сквозь землю воду увидите?—удивился Данилка.

— Увижу.

— Ну да!—засмеялся Федя.—Никакой человек сквозь землю не увидит!

— Ты так считаешь?

Инженер достал из портфеля карту, развернул её. Карта была раз-

линована какими-то кривыми и волнистыми линиями и вся раскрашена коричневой, жёлтой и голубой краской. Федя и Данилка оба, с двух сторон, сунулись к этой карте.

— Товарищ гидро... гиро...—начал Федя.

— Меня зовут Сергей Матвейч,—сказал инженер.

— Сергей Матвейч, а что же тут начерчено?—спросил Федя.

— Тут—ваши горы,—ответил Сергей Матвейч.—Если их разрезать, то увидишь там и вот эти пласты, и породы, и пещеры, и воду.

Федя свистнул:

— Воду! Да у нас тут нигде воды нету! Только если на Большой, в источнике.

— Вода есть везде,—ответил Сергей Матвейч.

— Везде!—Федя усмехнулся:—В камне она, что ли?

— И в камне.

Федя и Данилка переглянулись:

— В каком камне?

— Во всяком.

— И в этом?—Данилка похлопал рукой по большому синеватому камню, который подпирал терраску.

Сергей Матвейч кивнул головой:

— И в этом. А теперь помолчите, мне кое-что записать надо.

— Мы помолчим,—согласился Данилка.

— Мы помолчим,—сказал Федя,—только в камне воды никакой нету.

— Раз Сергей Матвейч говорит «есть»—значит, есть!—сердито ответил ему Данилка.

— А под спор? Давай сейчас молоток принесу, разобьём, и что—будет там вода?

— Будет,—сказал Сергей Матвейч,—только в таких мельчайших трещинках, что простым глазом не увидишь. В микроскоп надо. Вода везде—и на земле, и под землёй, и в растениях, и в животном, и в человеке. И в тебе.—Сергей Матвейч ткнул карандашом Федю в толстый живот.—В тебе с полведра воды будет!

— А в вас сколько?—засмеялся Данилка.

— А во мне ведра два.

— Ух ты!—сказали ребята в один голос.

Потом Сергей Матвейч сложил карту и убрал в портфель.

— А теперь ведите меня в правление,—сказал он,—пойду ваши горы смотреть.

Федя и Данилка живо вскочили:

— Пойдёмте! Мы вам всё покажем. И правление. И горы покажем, мы тут все горы знаем.

Тихон Иванович сам пошёл с геологом в горы. Федя и Данилка увязались за ними. Их увидел Васятка Тимаков и тоже пошёл. Потом их догнал Петруша Огородников. Петруша очень любит ходить по горам. Он ищет разные породы, собирает коллекцию. А как соберёт большую коллекцию, то отнесёт её в школу, в пионерскую комнату. Пусть школьники смотрят, что есть у них в горах! Тоня Каштанова увидела ребят из окна и тут же прибежала.

— Я все дороги знаю!—сказала она Сергею Матвейчу.—Я всё вам покажу! Я...

— Якало — завякало!—сказал Петруша.

Тоня обиделась:

— У, дразнится! А ещё пионер!

— А я не дразнюсь,—ответил Петруша,—я тебя воспитываю.

— Якало — завякало! — подхватил Федя и засмеялся.

— А ты что!—крикнула на него Тоня.—Тожe ещё—смеётся, малявка! Вот я...

Тоня сказала «я», да тут же и примолкла: а то ребята опять подхватят.

Шли по отлогой горе Тень-Сель.

— Это что за канавки такие?—спросил Сергей Матвейч.—Всё иду и гляжу: вся гора расчерчена канавками. Дома стояли, что ли?

— А тут когда-то поселение было,—ответил Тихон Иванович.—Мы ещё

фундаменты из этих канав выкапывали. Камень в хозяйстве, сами знаете, нужен.

— А здесь наши рабочие монеты нашли!—сказал Данилка.— Мы их...

— Да! Да!—перебила его Тоня.—Я эти монеты несла... Мне их нести дали! Я...—Тоня быстро оглянулась на ребят.—Мы их с Данилкой несли!

Сергей Матвееч задумчиво оглядел всю гору.

— Так и выходит,—сказал он:—было поселение—была и вода. Вот и карта моя то же самое говорит: здесь, внизу, должна быть вода.

Сергей Матвееч и председатель ещё долго ходили по горам. А Федя и Данилка, как только солнце приекло макушки, так и сбежали к морю. Хорошо в жару на море!

Зато вечером они опять прилепились к Сергею Матвеечу.

Сергей Матвееч уселся на ступеньки крыльца, достал свои чертежи и стал что-то помечать карандашом на карте

— Мы не будем мешать,—сказал Федя,—только вот—что вы на карте помечаете?

— Помечаю, как идёт вода среди пластов.

— А куда же она идёт по этим пластам,—негромко спросил Данилка,—вода-то?

Сергей Матвееч усмехнулся и покачал головой:

— Ой, помощнички! С вами тут, я вижу, не много наработаешь.— И сложил свою карту.

Да и темно уже было работать. Сумерки в Крыму короткие. Только солнышко село, только запылали облака и красным, и жёлтым, и оранжевым, как, смотришь, подошла из-за моря ночь и сразу всё погасила.

Мать подоила корову. Постлала всем постели. И Сергею Матвеечу устроила постель—на воздухе, под цветущими розовыми олеандрами. И ночь уже зажгла свои звёздные фонарики.

Тут и пошёл разговор о том, как вода под землёй идёт, и какие породы в горах лежат, и как вода сквозь разные породы пробирается. Если встретятся ей пески, то ползёт она еле-еле, по несколько сантиметров в день. А встретится воде на пути известняк, так она его размоет и потечёт быстрой речкой. А то и озером под землёй разольётся...

И неизвестно, сколько времени ещё сидел бы с ребятами Сергей

Матвейч и что ещё он рассказал бы им в этот вечер, если бы не пришла тётя Фрося. Заскрипела калитка среди тёплой тишины—«к нам иду-уют!..»—и сразу раздался сердитый голос тётки Фроси:

— Федюньки у вас нету? Ах, чтоб ты лопнул! Ты что же это, дорогу домой забыл? А ну-ка, давай живо! Или-ка, я тебе эту дорогу покажу!

И Федя и Данилка не сразу заснули в эту ночь. А когда заснули, то всё им снились подземные реки—холодные, журчащие, которые мчались куда-то и зря пропадали. На другой день Федя и Данилка приняли решение: вырастут большие—пойдут воду искать. Что же она будет под землёй бродить, когда в колхозе воды нету!

ВОДЫ МНОГО, А НИГДЕ ЕЁ НЕ НАЙДЕШЬ

от и сказал Сергей Матвейч, что вода есть везде, однако найти водяную жилу оказалось трудно.

В долину пришёл грузовик с оборудованием. Ребята гурьбой прибежали смотреть—ведь никто из них ещё никогда не видел, как бурят землю.

С машины спустили трубу с острыми зубьями на конце. Установили её.

Ребята волновались:

— А как же эта труба в землю полезет? Кабы сверло какое...

— А чем её будут забивать?..

Больше всех суетился Федя. Он лез почти к самой трубе, под ноги рабочим. Председатель Тихон Иванович, который тоже был здесь, рассердился:

— Как сейчас сниму ремень!

Но Сергей Матвейч остановил его:

— Интересуется человек.

— Мы тоже интересуемся!—сказала за всех ребят Тоня Каштанова.

— Интересуйтесь, а под ноги не лезьте,—ответил Тихон Иванович.— Вот пустят колонку, тогда и увидите, как она в землю полезет. Глаза-то есть?

— Есть!—хором ответили ребята.

— Это не труба, это колонка,—пояснил им Федя.

Но Петруша Огородников отмахнулся от него:

— И без тебя догадались!

Колонку установили, где указал Сергей Матвейч. Потом включили движок, который стоял в кузове машины. Движок загудел, и колонка сразу ожила. Она закрутилась, вгрызлась зубьями в землю и быстро пошла в глубину.

— От здорово!—крикнул Федя.—Во работает!

А Данилка молчал. Он только глядел не отрываясь, как труба уходила в землю. Всё глубже, глубже...

— Метров на пять уйдёт!..—сказал он негромко.

— «На пять!»—усмехнулась Тоня и пожала плечами.—Воробей! На все десять уйдёт, а не то что на пять.

— А ты откуда знаешь?—заспорил с ней Петруша.

— Да уж я-то знаю!

Сергей Матвейч посмотрел на Тоню.

— Ты так считаешь?—спросил он.

— А конечно!—сказала Тоня.—Я так считаю! Я...

— Колонка может и на пять метров уйти, и на десять...

— Ага! Я же сказала!—обрадовалась Тоня.

— А может и на сто, и на сто пятьдесят.

— О-ей!—охнули ребята в один голос.—На сто пятьдесят в землю!

— Да,—сказал Сергей Матвейч,—если вода лежит глубоко. А у вас здесь, в известняках, очень глубоко лежит вода!

— А достанем?—забеспокоился Федя.

— Полагаю, что да,—ответил Сергей Матвейч.

Колонка глухо гудела. Видно, трудно ей было пробиваться сквозь камень в глубину. И все ждали—вот-вот она нащупает воду. А как найдёт воду, то сейчас поймает её в трубу и подаст наверх.

Но вместо воды колонка достала гальку, глину, известняк...

Стали бурить другую скважину, рядом. Потом третью. Но сколько ни бурили, воды так и не достали.

Не было воды.

Бурили и на другой день. И на третий. Всю долину продырявили скважинами. А воды всё не было.

А дни становились всё жарче. Солнце полыхало с утра до вечера. Засохла, пожелтела на склонах трава, исчезли цветы. Только седая полынь росла, не пропадая, да жёсткие колючки торчали кругом. Ревела скотина по вечерам, когда приходила с пастбища,—просила воды. Того, что привозили из совхоза и с дальних источников, еле хватало в хозяйстве. А иногда и не хватало.

Печально было и в садике. Данилка замечал, как желтеют яблоки. Им надо плоды наливать, а влаги не хватает. Завязались на ветках сливы и тут же начали морщиться—негде соку взять. В это время Данилкин отец всегда сад досыта поливал. А нынче нет воды!

— Потерпите как-нибудь!—говорил деревьям Данилка, когда в саду никого не было.—Сергей Матвейч скоро воду найдёт!

Яблоки, сливы и абрикосы словно слышали и понимали, что им говорит Данилка, и казалось, что они отвечают ему, лепечут листвою: «Потерпим сколько сможем. Только давай скорее воды!»

А у Феди дома не было ни покоя, ни радости. Тётя Фрося как встала с утра, так и начинала браниться:

— И что это за край такой—воду, словно золото, ищут! Вон у нас, на Орловщине, и думки такой нет. Где копни—там вода. А реки-то какие—тихие, светлые! А тут? Вон и гуси мои совсем захирели. И картошка пропадает! Что будем делать без картошки?

— Ой, сестрица, не лезьте вы со своей картошкой!—кричала Федина мать.—Вашу картошку и поливать не стоит—всё равно не вырастет. Хоть бы в низине где посадили. А то на самой горе—какая вам тут картошка!

— Ну, если так, то надо собираться, да и уезжать отсюда! А что тут дожидаться? Пока и сами без воды пропадём?

— Не пропадём: винограду в этому году много родится.

— А куда его, твой виноград! Что это, хлеб, что ли!

Так и бранились, лишь только приходили домой с работы.

А что делать ребятам в такие дни? Лучше всего убежать на море.

ОРАНЖЕВЫЙ КАМУШЕК

Море в этот день слегка играло. Вода стала зелёной, на волнах появились белые гребешки. Они бежали к берегу по всему морю, бросались с разбегу на песок, на гладкую гальку. Белые гребешки разбивались стеклянными брызгами, а волны отходили обратно в глубину и утаскивали с берега камушки.

А камушки были очень красивые. Данилка шёл тихонько по берегу и разглядывал их. Тут были и зелёные, и чёрные с голубыми крапинками, и коричневые, словно загоревшие на солнце. Были и прозрачные, как слёзы, и синие, как морская вода,—с поясками, с разводами, с узорами, похожими на пенную воду. Иногда какой-нибудь камушек особенно блестел в воде. Данилка поднимал его. Но камушек сразу высыхал в руке и становился тусклым, словно подёрнутый солью. Тогда Данилка бросал его обратно в море:

— Ступай, там тебе лучше.

И камень словно радовался—он тотчас снова начинал сверкать и светиться под стеклянной морской волной.

В заливе было полно ребят. Они плавали наперегонки, кричали, смеялись, качались на волнах, боролись с волнами, ныряли под волну или, будто поплавки, подпрыгивали над пенными гребнями. И Федя нырял, кричал и смеялся вместе со всеми.

Сегодня весёлое было море, оно шалило с ребятами—обливало их с головой, поднимало на волнах, а то вдруг выталкивало на берег, шутя сбивало с ног и опять утаскивало под волну вместе с галькой... Федя плавал и кувыркался в воде, как дельфин. Но вот удалось ему подняться на гриве самой большой волны, и волна помчала его к берегу.

— Данилка!—закричал Федя.—Эй! Гляди!

Ему хотелось, чтобы Данилка видел, как он бесстрашно мчится на волне, какой он ловкий и отважный, но Данилка уже далеко отошёл по берегу. Он слышал, что Федя зовёт его, но не обернулся, потому что увидел необыкновенный камушек. Сначала Данилке показалось, что на песке лежит раскалённый уголёк. Но это был камушек. Он лежал совсем сухой и всё-таки весь сиял и светился. Не светом воды он све-

тился, а своим горячим оранжевым цветом. И даже на песке от него, как от огонька, лежал оранжевый язычок.

Данилка поднял камушек. Он был гладенький и в руке так же светился, даже чуть-чуть освещал Данилкину ладонь.

У Данилки дома была целая коробочка красивых камней. Но такого, как этот, прозрачный и оранжевый, он ещё никогда не находил. Данилка крепко зажал его в руке и побежал к Феде.

А Федя уже вылез на берег. Он до того накупался, что еле дышал от усталости.

— Не смотрел, когда я кричал!—сказал он Данилке и сердито насупил белёсые брови.

— Я не смотрел...—ответил Данилка,—а потому что—гляди-ка, какой камушек!

И раскрыл перед Федей ладонь.

— «Камушек, камушек»!—так же сердито ответил Федя.

И, даже не взглянув на камушек, ударил снизу по Данилкиной руке. Камушек сверкнул огненной искоркой и пропал в набежавшей волне. Волна плеснулась на берег, бросила пену и ушла обратно. И оранжевый камушек унесла с собой.

Данилка бросился в море. Он нырнул под волну, опустился на дно. Данилка боялся нырять, но он даже страх свой забыл в эту минуту. Он старался разглядеть под водой свой камушек, он надеялся, что тот сверкнёт ему с пёстрого морского дна... Но на дне синела и зеленела гладкая галька, солнечная рябь проходила по белому песку, и все самые простые и тусклые камни под водой сияли и блестели, будто драгоценные... Где ж тут найти среди них маленькую оранжевую искорку?

Данилка был под волной две секунды, а ему показалось, что он там пробыл очень долго. Он испугался, забил руками и ногами, сердце у него замерло: не выплыть! Не выплыть!

Он выплыл. Но лишь увидел небо и край берега, как волна снова накрыла его с головой. Данилка изо всех сил пробивался к берегу, но волна тащила его назад. Он хотел закричать, но тут же хлебнул солёной горькой воды. Данилка решил, что он погиб, что его уже утащило от берега, что под ним уже тёмная морская глубина. В голове замелькало, как он утонет, и как прибежит на берег мама и будет кричать и плакать, и как отец бросится в море искать его...

Тут его ноги коснулись песчаного дна, и Данилка, отбиваясь от волны, выбежал на берег. Он кашлял, плакал, дрожал...

Кто-то из ребят, кажется Васятка Тимаков, кричал ему:

— В уши набрал? На одной ножке попрыгай.

Надо было прижать ухо к плечу и прыгать на одной ножке и приговаривать: «Мышка, мышка, вылей воду за дубовую колоду»,—тогда вся вода из уха выльется.

А ещё кто-то из ребят, кажется Петруша Огородников, удивился:

— А говорили, что Данилка не умеет нырять! Ещё как ныряет-то!

Федя стоял около Данилки, смотрел, как он дрожит и плачет, и не знал, что делать. И зачем ему надо было наподдать этот камень? Федя знал, что Данилка нырять не умеет и боится волны. А уж если вырнул, значит, и про страх забыл, и про всё... Значит, уж очень ему этот камень нравился.

— Ну и что же?—сказал Федя.—Ну, а зато нырять научился!

Федя знал, что Данилка спорить и ссориться не будет. Он сейчас нахмурится, сожмёт губы, засунет руки в карманы и молча уйдёт. Он всегда так. Уйдёт, а потом не знаешь, как с ним и помириться. А они ещё собрались с ним сегодня к Сергею Матвейчу в долину идти.

Но Данилка не ушёл. Он прокашлялся, протёр глаза—тут и вода солёная, и слёзы солёные... Сел у самой кромки воды и стал смотреть на дно: а вдруг он всё-таки увидит свой оранжевый камушек?

Феде стало очень жаль Данилку. Уж лучше бы он рассердился или обиделся!

— Ну, хочешь, я тебе красивый-раскрасивый камень найду? А?—сказал Федя.—Хочешь, со дна достану?

Данилка покачал головой—мокрые волосы торчали у него на голове, как перья у воронёнка.

Тут подсел к ним Петруша Огородников, такой же загорелый, как те коричневые камушки, которые валялись на берегу.

— А какой он был, твой камень-то?

Потом прискакал Васятка Тимаков:

— Светлый, да? Белый такой, с разводами?

Понемногу и все ребята собрались вокруг Феде и Данилки. И всем хотелось узнать, что же это за камушек, из-за которого Данилка под волну прыгнул.

— Он был такой чистый-чистый,—сказал Данилка,—не то розовый, не то жёлтый. А внутри—будто огонёк горит. Даже руку освещает.

Петруша Огородников в камнях понимал.

— Я знаю, что это за камень был.—сказал он.—Это был сердолик. Эх, жалко, что потерял!

— А я знаю, где этих сердоликов хоть граблями гребить!—сказал Васятка.—Перейти через перевал, спуститься на ту сторону и идти по берегу до Лисьей бухты. Они там по всему берегу валяются!

— Эй, товарищ,—сказал ему Петруша,—ты ври, да не завирайся.

— Ничего не «ври»!—ещё громче закричал Васятка. Он терпеть не мог, когда с ним спорили.—А что, Костя Семёнов нам не рассказывал на сборе, что в Карадаге сердоликовая жила есть? Море её размывает да размывает, помаленьку отламывает по кусочку и на тот берег выкидывает. И ничего особенного тут нету!

— Сергей Матвеевич тоже рассказывал,—проворчал Федя.

Правду сказать, Феде было очень не по себе.

Данилка пришёл домой, достал свою коробку из-под ягодной пастилы и сел на лавочку под тополем. Он открыл коробку и стал разглядывать камушки, которые в ней лежали. Это были красивые камни, хорошо отшлифованные морем, расписанные разными красками. Вот светло-серый камень, а по нему, словно волны по заливу, кривые полоски—жёлтая, зелёная, белая. Вот совсем зелёный, блестящий, с жёлтыми разводами. Вот ярко-чёрный с голубыми и розовыми крапинками. Вот нежно-лиловый с одного края и розовый с другого, как вечернее небо над морем. А вот горбатенький, как бобок. Бока у него синие, с оранжевыми пятнышками, а по спинке и по брюшку проведены оранжевые полоски. Словно сам царь морской долго сидел и расписывал этот камень тоненькой кисточкой, а потом бросил его на берег—Данилке.

Много их. Но такого, который сегодня ушёл от него в море, у Данилки не было.

И друга не было. Уж теперь-то Данилка ни за что не помирится с Федей. Что это за друг, если он такие камушки из рук выбивает?

Данилка поднял голову и долго глядел на тёмную Большую гору, на зубчатую Кок-Кая. Кок-Кая стоит над самым морем, и сейчас виден только гребень её, совсем синий в сумерках. Там, между Большой и Кок-Кая,—южный перевал. Через этот перевал идёт дорога в Лисью бухту.

Есть и другой перевал—северный. Тогда надо будет идти мимо каменного человека, который сидит много веков на скале и всё думает о чём-то, склонив голову. Он и сейчас виден. Вон он—высоко поднялся

к потемневшему небу, а сзади, над его плечом, висит лёгкое золотое облачко. Но солнце гаснет за дальними горами, и облачко гаснет тоже. Вот оно уже и не золотое, а жёлтое... Вот уже и не жёлтое, а чуть-чуть розовое. А вот его уже и нет совсем.

— Данилка, сынок, что же ты не отвечаешь?—вдруг услышал Данилка голос матери.

Мать подошла корову во дворе, пока светилося золотое облачко, а теперь провожала её в хлев.

— Кричу, кричу тебе!—продолжала мать.—Ступай за телёнком, вон он слоняется по улице, а домой не идёт.

Данилка загнал телёнка. А сердолики всё светились у него перед глазами:

«Хоть граблями гребь!»... Неужели правда?»

Сергей Матвейч пришёл поздно. Но Данилка дождался его.

Сергей Матвейч умылся, сел ужинать, а Данилка примостился около него на низенькой скамеечке.

— Дай человеку поесть спокойно, сынок,—сказала мать.—Сергей Матвейч и так устал.

Данилка тотчас начал отодвигаться от стола со своей скамейкой. Но Сергей Матвейч остановил его:

— Сиди, сиди, Данилка, мне с тобой веселее. Какие новости у тебя?

— Сердолик нашёл,—сказал Данилка.

— Ну? Давай сюда, посмотрим!

— А я его... опять потерял. Море унесло.

— Жалко.

Сергей Матвейч съел суп и налил себе молока в большую кружку.

— Ты вот сердолик нашёл,—сказал он,—а я воду никак найти не могу.

— Наверно, ушла глубоко,—ответил Данилка.

Электрическая лампочка над столом чуть покачивалась от ветра. Розовые цветы олеандра то появлялись из темноты, то опять скрывались, будто играли с Данилкой в прятки.

— А может, воды у нас в земле совсем больше нету,—добавил Данилка.

— Э, нет, товарищ!—сказал Сергей Матвейч и, как будто рассердившись, строго постучал пальцем по столу.—Это разговор не деловой. А деловой разговор такой: вода есть, и мы её найдём. Понял?

— Понял.

— Значит, всё в порядке. Пойдём спать.

— Ладно,—согласился Данилка,—только вот... а сердолики в Карадаге правда есть?

— Правда.

— А правда, что море сердоликовую жилу размывает и сердолики кидает на берег?

— Правда.

— А почему же их не найдёшь никак?

— Потому что упорства у тебя мало...

В ГОРАХ

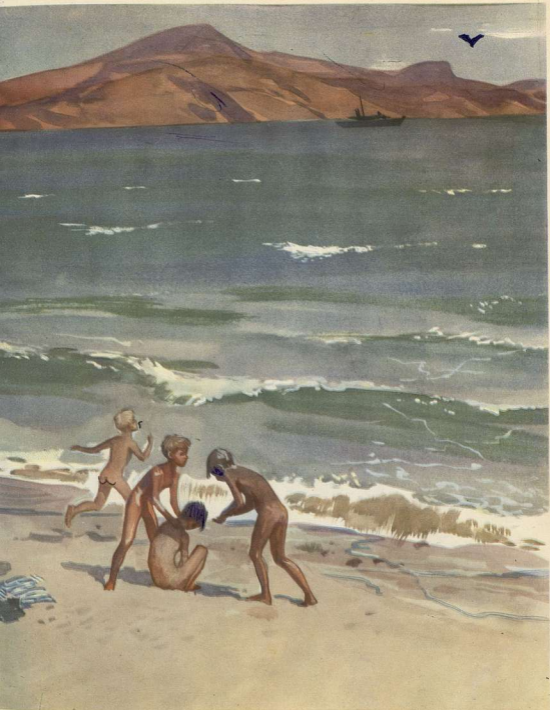
тром, после завтрака, Данилка исчез из дому. Он отправился к перевалу и сейчас поднимался всё выше и выше в горы.

По гребню идти было жарко, и Данилка скоро устал. Он нашёл куст боярышника и уселся в его скупой тени. Уселся и увидел прямо перед собой высокую вершину горы Кок-Кая, похожую на петушьяный гребень.

Никогда ещё не был Данилка так высоко в этих местах, никогда ещё не видел он так близко эту гору Кок-Кая. Но что такое творится на этой горе? Сколько же на ней всяких окаменелых чудовищ!

Огромный ящер—Данилка видел такого в книге—напал на другого ящера, впился зубами ему в загривок. Из-за острого камня выглядывал лев с квадратной головой. Дальше чудились какие-то непонятные фигуры—похожие то на медведя, то на черепаху, то на огромных лягушек. Все они неподвижно сидели и лежали на широкой вершине горы, такие же серые и жёлтые, как сама гора. А кругом стояла тишина. Ни собаки, ни коровы, ни человека... Только Данилка сидит один на горе под колючим зелёным кустом.

Данилке стало жутко. И чем дальше он глядел на безмолвную вершину Кок-Кая, тем отчётливей видел этих зверей—и головы их, и лапы, и хвосты. Тоска охватила Данилку. Он вскочил и бросился бежать по склону, по жёсткой траве, подальше от Кок-Кая.

Всем хотелось узнать, что это за камушки.

К стр. 44

Данилка шёл по белой тропе, среди побелевших от зноя высоких трав. Высоко поднялся. Оглянулся назад—далеко внизу краснеют черепичные крыши колхоза, и домики кажутся совсем маленькими. И совсем синий среди жёлтых гор лежит круглый залив.

А впереди—ух, какая широкая долина раскрылась перед Данилкой! Узкие овражки бежали вниз по ту сторону перевала. Белые тропинки, как ручейки, тоже бежали вниз... И далеко-далеко в золотистом солнечном мареве увидел Данилка длинную полосу узкого берега, прижатого к морю горами. Это и была Лисья бухта.

Слева, над морем, поднимался Карадаг.

Он тихонько поднялся на вершину, заглянул вниз—и со страху сразу лёг на землю. Оттуда глянула Данилке в глаза такая страшная пропасть, что сердце у него захолонуло—ему показалось, что он уже летит туда. Данилка прижался к земле и боялся пошевелиться. А может, он потревожил какие-нибудь камни? А может, кусок скалы, на котором он лежал, уже наклонился и повис над пропастью? Да! Так и есть! Скала уже качается, она уже ползёт вниз. И не удержаться, и не убежать!

— Ай, мама!—только и мог крикнуть Данилка.

Но когда утихло немножко Данилкино сердце, то он понял, что Карадаг даже не почувствовал, что кто-то ходит тут по его отрогам и обрывам.

Данилка осмелел и снова заглянул вниз.

Причудливые острые скалы поднимались оттуда—жёлтые, рыжие, с красными и зелёными пятнами. Обрывистые склоны, зубчатые, как огромная каменная пила. А ниже—опять острые рыжие гребни. И уже совсем внизу, между каменными обрывами, светилась неподвижная синяя вода. Глубокое здесь море, а каменный кряж уходит в самую тёмную морскую глубину.

— Вот так пригорочек!—пробормотал Данилка и отполз от страшного обрыва.

Солнце припекало всё сильнее, всё горячее. Надо бы скорей спуститься в долину и бежать в Лисью бухту, но Данилке было жалко уходить с вершин. Длинная горная гряда поднималась перед ним. Причудливые зубцы её манили Данилку, едва приметная тропочка звала к этим голым вершинам, ещё невиданные чудеса мерещились там Данилке. И шаг за шагом ноги сами увели его в это каменное царство-государство.

Ну чего ж только не придумал и не настроил здесь могучий Карадар!

Данилка видел среди скал каменный город, окружённый круглыми зубчатыми стенами. Вот и дорога к этому городу. Спуститься бы туда!.. Но дорога падает в пропасть и обрывается.

Видел Данилка огромный камень, выщербленный ветрами. Этот камень был похож на раковину или на ухо великана. Словно ухо это стояло и слушало, как шумит море.

А день становился всё жарче, солнце так расплалось, что от зноя слепли глаза. Кривые, изогнутые кустики держи-деревца вцепились корнями в каменистый склон и замерли... Данилке уже начинало мерещиться, что он тоже превратился в такой вот кустик, жёсткий и неподвижный, и так же, как они, вцепился в скалу, чтобы не сдуло его в море...

Данилка встряхнулся, вскочил и сбежал вниз, на тропинку. Лисью бухту отсюда было хорошо видно—вот он, длинный плоский берег с каймой белого прибоя. Но у Данилки была уже только одна мысль: домой! Только бы добраться обратно, к дому, напиться свежей воды, умыться и спрятаться под крышу от этого зноя. Кажется, и недалеко он ушёл от перевала. Но идёт, идёт Данилка, а дорога к дому будто всё больше и больше растягивается.

Данилка прибрёл домой далеко за полдень, когда солнце уже шло под уклон. Исцарапанные, сбитые о камни ноги шибко болели. И голова

болела от жары. Он умылся холодной водой, достал свою коробку с камушками и уселся в холодок под тополь. Ну, и что он ходил? Измучился, а до сердоликов не добрался. И никогда до них не добратся!

И опять горячая досада закипела в Данилкином сердце. Если бы не Федя, лежал бы у него сейчас в коробке оранжевый огонёк. Эх, наподдать бы этому Федьке! Пусть этот Федька теперь и к дому не подходит!

В это время заскрипела железная калитка ржавым голосом: «К нам иду-у-т»...

И во двор вошёл Федя. Он что-то зажимал в руке, и глаза его весело блеснули.

Данилка насунился, опустил голову. А Федя подошёл к нему, улыбнулся и сказал:

— На!

И положил Данилке в коробку два розовых камня.

Данилка чуть не рассыпал всю свою коллекцию. Он схватил Федины камни. Два крупных сердолика лежали у него на ладони, два чистых, прозрачных сердолика. Один продолговатый, розовый, с фиолетовым пояском посередине. А другой круглый, тёмный, почти вишнёвого цвета.

— Ой!—шепнул Данилка.—Где же ты взял их?

— Важность!—ответил Федя.—Пошёл в Лисью бухту и нашёл.

— Ты был в Лисьей бухте?

— А что ж такого? Утром влез к одному шофёру в кабину—и прямо до санатория. А там десять шагов—вот тебе и Лисья. Только камни искал долго.

— А Васятка Тимаков говорит: «граблями гребь»,—напомнил Данилка.

— Больно храбрый твой Васятка,—ответил Федя.—Пока такой камень найдёшь, семь раз намокнешь да семь раз просохнешь.

— Ты купался там?

— А то! Я прямо так—в штанах и в рубашке. А потом хожу по берегу—и ничего, прохладно. Высохну—опять в море. Вот этот прямо на песке лежал,—Федя взял в руки розовый сердолик,—а тот тёмный из волны выхватил.

Данилка задумался, молча разглядывая камни.

— Что же, ты, значит, из-за меня ходил за ними?—спросил он, помолчав.

Федя пожал плечом:

— Ну, а раз ты плачешь? Ревёт, как телёнок. Ну, а мне что? Сбежал да принёс. Важность!

Солнце уже село за дальними горами. Жёлтое небо еле светилось над лиловыми вершинами.

— Пойду гусей загоню,—сказал Федя.

И пошёл домой.

Данилка вспомнил, что у него тоже дела. Надо телёнка загнать—опять убежал куда-то. Надо полыни наломать для веника... Он ещё раз полюбовался сердоликами, спрятал их в коробку, а коробку засунул под крыльцо, под щелястые ступени.

Ну вот, теперь у Данилки есть сердолики. И друг у него тоже есть. И сразу стало очень хорошо жить на свете!

Вскоре пришла мать, принесла ведро воды из цистерны.

— А мне Карадаг два сердолика прислал,—сообщил Данилка,—розовый и вишнёвый.

— Вот как!—удивилась мать.—Значит, ты с Карадагом подружился?

— Ага. Подружился. И Федя тоже. Карадаг эти сердолики мне с Феей прислал.

— Очень хорошо, сынок. Очень хорошие друзья у тебя.

— А ещё ты, мама, не бойся. Сергей Матвееч воду найдёт. Он сказал, что в Карадаге сердолики есть,—и вот они, есть! Он сказал, что вода в наших горах есть,—значит, есть вода. Он её найдёт. Только упорство нужно.

САМОЛЁТ ПРИЛЕТЕЛ В КОЛХОЗ

Ещё одна неприятная новость объявилась в колхозе: агроном заметил на виноградниках какую-то тлю.

— Надо немедленно опрыскивать ядом,—сказал он председателю Тихону Ивановичу,—чтобы сразу захватить.

— Шутка сказать—двести гектаров сразу!—Покачал головой Тихон Иванович и взялся за свой сивый ус. Будто, если подёргает себя за

усы, то лучше придумает, как ему быть.—Народу не хватит сразу по всем виноградникам пройти. Может, по участкам можно?

— Нельзя,—сказал агроном:—пока очередь до дальних плантаций дойдёт, виноград погибнет.

— Ну что ж,—решил председатель,—значит, надо самолёт вызывать. Тревога!

Тихон Иванович пошёл в правление звонить по телефону в совхоз.

Ребята—Федя, Данилка, Васятка Тимаков и Тоня Каштанова—уселись на ступеньках и стали ждать. В правление их не пустили, а узнать очень хотелось, прилетит к ним самолёт или не прилетит.

Федин Валет тоже сидел с ними. Он любил сидеть там, где люди сидят, рядышком с ними. Люди на скамейку сядут—и он на скамейку взберётся. А теперь люди сели на ступеньку—так и он втиснулся к ним в серёдку. Втиснулся и начал расталкивать ребят, чтобы самому занять побольше места.

Тоня рассердилась.

— Противный какой!—крикнула она.—Уходи отсюда!

Валет прижался к ступеньке и не шевелился. Он сделал вид, что дремлет и ничего не слышит.

— Пошёл, говорят! Чего прижался?—опять закричала Тоня и толкнула Валета.

Но Валет только приоткрыл глаза, словно интересуясь, кого это гонят отсюда.

Тоня вскочила и, отряхиваясь, отошла от крыльца. Ребята засмеялись.

— Собашники!—сказала Тоня.

Тут она заглянула в открытое окно и увидела, что Тихон Иванович выходит из той комнатки, где в правлении помещается телефон.

— Дозвонились, Тихон Иванович?—крикнула она и повисла на подоконнике.—Пришлют самолёт?

— Завтра к вечеру пришлют,—ответил Тихон Иванович.

Тоня спрыгнула на землю.

— Ага!—закричала она ребятишкам.—Сидите там со своим Валетом, а я уже всё знаю! Я спросила! Я вперёд всех узнала, ага! Завтра к вечеру прилетит! Сидят там, а я уже знаю!..

Тут подошёл к правлению агроном. Тоня и к нему подбежала похвалиться:

— Завтра к вечеру прилетит, я узнала! Это я первая узнала!

Но ребята её уже и не слушали.

— Побежим завтра на виноградники?—сказал Федя.

— Конечно, побежим!—подхватил Васятка.

Данилка только кивнул головой, а у самого глаза так и засветились. Неужели дома сидеть, когда настоящий самолёт к ним на плантации прилетит!

На другой день, когда солнце только пошло под уклон, ребята уже были на винограднике. Кудрявые виноградные лозы, привязанные к высоким столбикам, стояли рядами. Они заполнили всю долину, поднялись на склоны.

— Может, виноград есть?—сказал Федя и поднялся в виноградник.

Васятка оглянулся вокруг:

— Попадёт!

Но никто их не видел. Колхозницы, сторожившие виноград, собрались около шалаша на склоне горы и толковали о чём-то, наверно, о самолёте. И Васятка, как мышонок, нырнул под высокие лозы.

А Данилка стоял и раздумывал. Если мама узнает, то что скажет? И если отец...

«Но я же рвать не буду!»—тотчас успокоил себя Данилка.

Он перелез через низенькую каменную ограду и вошёл под зелёный навес узорчатых листьев.

Лозы заплелись и переплелись и повисли над головой, придерживаясь за подпорки. Данилка шёл по меже, а со всех сторон обступили его, окружили, заслонили от него небо густые виноградные ветки. Ни гор не видно, ни неба, только светятся среди листьев молодые виноградные гроздья. Светлые зелёные виноградины, и на каждой виноградине—солнечный глазок. У Данилки потянулась было рука к винограду. Но тут же он будто услышал голос отца:

«Эх, Данилка, какой же ты хозяин, если своё колхозное добро портишь?»

И Данилка больше не стал заглядываться на виноград. Он шёл и шёл по меже. Хотелось посмотреть, куда она выйдет. А межа всё вела и вела его куда-то... И конца ей не было.

А тут и темнеть стало. Погасли круглые солнечные глазки на крупных виноградинах, и виноградные кисти сразу словно попрятались от Данилки в густой листве.

Данилка затревожился. Да когда же он выберется из этого виноградного леса? Сунулся сквозь лозы влево—а там такая же стена из листь-

ев: Сунулся вправо — и там сплошная листва. Притихла, не шелестит. И всё тихо кругом.

И вдруг в этой тишине где-то далеко зарокотал самолёт.

— Летит! — крикнул Данилка.

Но тут же и умолк: закричишь, а сторожихи и услышат!

Данилка бросился бежать. Самолёт прилетит, а он и не увидит. А то ещё хуже: начнут опрыскивать виноградник и Данилку опрыскают, как какого-нибудь червяка!

Данилка бежал, и листья шуршали у него по сторонам. Но он слышал, как всё ближе и ближе рокочет над головой самолёт. Сюда летит!

Тут Данилка больше не мог терпеть. Он остановился и закричал изо всех сил:

— Федя! Федя-а-а-а!

— Это кто тут кричит? — вдруг отозвался чей-то голос совсем близко.

— Это я! Это я! — крикнул Данилка.

Пробежал ещё немножко — а тут и дорога! Данилка выскочил на дорогу и налетел прямо на сторожиху, строгую бабушку Аграфеву.

— За виноградом лазил? — спросила она. — Идём в правление!

— Я не лазил, — начал объяснять Данилка, — я не рвал... Я заблудился! Шёл и заблудился!

— А что тебе тут за ходьба — по виноградникам? Идём в правление!

— Бабушка Аграфена, я не рвал!.. — захныкал Данилка. — Ну не рвал я!.. Я самолёт глядеть! Пусти скорей, вот он летит!

Самолёт уже кружил над плантацией.

— А! И в сам-деле летит! — удивилась бабушка Аграфена. — А я думала, так болтают люди, не верила!..

— Вот вы всем не верите! — сказал Данилка с упрёком.

— А неужто тебе поверю? — опять накинулась на него бабушка Аграфена. — Идём-ка в пра...

— Садится! — крикнул Данилка.

И, не слушая больше сторожихи, бросился бежать по дороге, в долину, куда пошёл на посадку самолёт. А что ему с ней в правление идти, если он винограда не рвал?

Данилка бежал с горы, и ему было видно, что в долине уже собрались все колхозные ребяташки — смотрят вверх, машут руками, кричат что-то... Вон и Федина красная рубашка мелькает. Вот и Васятка там крутится...

Данилка свернул с дороги и побежал напрямик по склону. Он падал, вскакивал, опять падал, опять вскакивал. Вот он и внизу. Вот уже и недалеко бежать—обогнуть горку, проскочить по узкому мосту через овражек, и всё!

Но только Данилка подбежал к мостику—из-за горки навстречу ему показалось стадо коров. Коровы шли медленно, покачивали рогатыми головами. Данилка быстро оглянулся вокруг—что делать? Стадо заполонило все тропки, а передние коровы уже и на мост вступили. Данилка вскрикнул тихонько и нырнул под мостик—вот боялся он коров и ничего не мог поделать.

Самолёт полетал над колхозом, над виноградниками и спустился в зелёную долинку.

Председатель Тихон Иванович пришёл встретить лётчика. И бригады пришли. Пришли и сразу заспорили—каждому хотелось, чтобы лётчик опрыскивал сначала его участок.

Ребята сразу окружили самолёт—рассматривали его со всех сторон, пытались потрогать, ложились на землю, чтобы получше рассмотреть колёсики, на которых он стоит, как на ножках.

Только Федя тревожно оглядывался вокруг. Он давно заметил, что Данилки нет. Куда же он делся, этот Данилка? Неужели ушёл домой? А почему же он тогда Феде не сказался? Федя кричал ему, свистел, спрашивал у ребят, не видал ли кто Данилку.

А Данилка в это время сидел под мостиком. Он сидел под мостиком и ждал, когда пройдут коровы. Коровы шли не спеша, они долго топали над его головой, и мостик дрожал под их копытами. Но вот пробежала последняя тёлочка, и топот затих. Данилка высунул голову из-под моста, огляделся и вылез на дорогу. Тут его и увидел Федя. Хотел посмеяться над Данилкой, да некогда было. Он только замахал руками изо всех сил и закричал что было голоса:

— Скорей! Заводят!

Данилка прибежал как раз в ту минуту, как лётчик сел в кабинку. Закрутился пропеллер, задрожали крылья, и маленький самолёт, слегка разбежавшись, поднялся в воздух. Потом сделал круг, снизился так, что рукой достать можно, и полетел вдоль виноградных шпалер.

Виноградник зашумел, как в бурю. Пропеллер трепал и ворошил виноградную листву, ерошил её, вывёртывал наизнанку. А лётчику это и нужно было—вредители прячутся именно на нижней стороне листа.

Он открыл баллон с ядовитой жидкостью и начал поливать виноградник.

— И ветер и дождик— всё своё собственное,— засмеялся Тихон Иваныч.— Эко ловко придумали!

Данилка стоял и смотрел, как самолёт полетел над плантацией. А Федя даже попробовал бежать следом за самолётом. Но сунулся в мокрые лозы и вылез обратно. А тут ещё и привкрикнули на него:

— Куда полез? Отравись!

Самолёт долго летал над плантациями с бурей и с ядовитым дождём. До тех пор летал, пока небо не погасло.

Дома Феде попало за рубашку: вся рубашка у него оказалась в пятнах.

Но Федя и слушал— и не слышал. У них с Данилкой только и разговору было, что про самолёт. Ох, и ловкий же этот самолётник! Хоть и маленький, а трудяга!

Пожалуй, им с Данилкой стоит пойти в лёгчики. Горы копать? Что ж, горы копать—это дело не горит. А здесь вон как: «Тревога! Виноградники

погибают!» И лётчик тут же прилетел, расшевелил листву, опрыскал чем нужно—и готово! Цветут виноградники, зреет виноград. Собирайте урожай, колхозники!

С М Е Л Ь Ч А К И

А всё-таки ты, Данилка, трус,—сказал Федя.— волны ты на море боишься...

Федя и Данилка сидели на большом камне. Море чуть шелестело у них под ногами. Данилка шлёпнул ногой по воде.

— Ну и что же?—ответил он.—А если волна большая? Поди-ка, поборись с ней.

— И поборюсь!—сказал Федя.—Уж я-то поборюсь! А ты и коров боишься—под мост залез. Ты вот даже и крабов боишься. Вон какой маленький в камнях пробирается—ну что, схватишь?

Но Данилка, ещё и не видя краба, сразу подобрал ноги на камень. Федя засмеялся:

— Эх, ты! Как бы мне тебя от трусости вылечить?

Но тут Данилка обиделся.

— Никакой я не трус,—сказал он,—я просто на крабов глядеть не могу: противные.

— Ну, а вот если будешь на войне и пошлют тебя в разведку,— пойдёшь?

— А то нет? Конечно, пойду.

— А если почью?

— И ночью пойду.

— Эх, Данилка,—вздыхнул Федя,—ты вот ночью даже в наши каньоны и то не пойдёшь, а то—в разведку!

— Это ты, может, в каньоны не пойдёшь,—сказал Данилка.—Ты и днём туда ходить боишься.

Федя подскочил и чуть не свалился с камня:

— Я? Боюсь? А пойдём сегодня ночью!

— Пойдём,—согласился Данилка.

— Только чтобы прямо в Ведьмину пещеру.

— Ну и что ж? И в Ведьмину пойдём.

Федя посмотрел на Данилку. Неужели он и правда Ведьминой пещеры не боится? Федя уже и не рад был, что поспорил с Данилкой. Он думал, что тот струсит и откажется...

— Прямо в Ведьмину пойдём?—повторил Федя.

— Вот и прямо в Ведьмину,—подтвердил Данилка.

Если кто подумал бы, что Федя очень обрадовался и что ему очень хочется идти в Ведьмину пещеру, тот ошибся бы. Но казак назад не пятится. Наступили сумерки, и ребята, никому не сказавшись, отправились в каньоны.

Тишина стояла в долине. Скатится камушек из-под ноги, а уж окрестные горы прислушиваются—что там такое прошумело? Скажешь слово погромче—тотчас эхо откуда-то отзовется.

Федя и Данилка шли по дорожке, протоптанной скотиной, и почти не разговаривали. Федя ёжился, ему хотелось спать. И зачем только он поспорил с Данилкой! Ходи вот теперь ночью по долине, а потом ещё в эти канавы лезть надо... С радостью вернулся бы он домой. Но ведь тогда Данилка скажет, что его самого от трусости лечить надо!

А Данилка и думать забыл про сон. Долина при луне казалась ему незнакомой и таинственной. Узкие дорожки стали голубыми. Они, как ручейки, бежали среди голубой полыни. А полынью отдыхала от жаркого дня. Она стояла неподвижно и, расправив ветки, глядела в звёздное небо...

И ещё казалось Данилке, что земля и небо смотрят друг на друга и неслышно беседуют о чём-то. Иногда звёздочка падала сверху. И Данилка тут же решал про себя, что это небо нарочно сбросило звёздочку—ведь там, вверху, их и так слишком много!

— Феть, а Феть,—сказал Данилка,—ты никогда звезду не находил?

— Какую звезду?—удивился Федя.

— А вот что с неба падают.

— Нет,—ответил Федя.—А ты?

— И я нет. А вдруг найдём сегодня?

— Не найдём,—подумав, сказал Федя,—они на земле не горят. Гаснут.

Вскоре показались каньоны. Они, словно тёмные морщины, легли

через лунную долину. Ребята подошли к краю самого глубокого русла, заглянули вниз. Луна освещала одну стену каньона, а дно его и другая стена оставались в тени.

— Что, забоялся?—сказал Федя.

А сам думал: «Хоть бы этот Данилка и вправду забоялся!»

Но Данилка качнул головой:

— Это, может, ты забоялся.

— Я? Это я-то забуюсь?—Федя ткнул пальцем себя в грудь:— Я забуюсь?

— Ну, и я не забуюсь!

И Данилка первым полез в каньон.

Они шли по узкому, глубокому коридору с земляными стенами. Иногда под ногой хлопала вода, оставшаяся в ямке. Ноги путались в кустиках жёсткой травы, которая успела вырасти на дне.

Ничего не было видно из каньона. Только узкая звёздная полоска мерпала над головой. Данилке казалось, что края каньона, косматые от полыни, упираются прямо в небо. И среди сухих кустиков и былинок он увидел большую звезду. Белая звезда лежала на самом краю обрыва, запутавшись в сухой траве. Вот пойдя и возьми её!

Но шагнул Данилка в сторону, и всё пропало. Тёмная трава косматилась над каньоном, а белая звезда сияла высоко на небе.

Скоро глаза привыкли к темноте, и стали видны рытвины и камни, и гладкая извилистая дорожка, проложенная ручьём на дне каньона. Можно было разглядеть и стены каньона: одна стена тёмная, другая серая и зеленоватая под луной, с какими-то впадинами, пещерками, с неясными очертаниями каких-то фигур...

Тут луна начала колдовать.

— Федь, а Федь,—прошентал Данилка,—смотри-ка, будто верблюд вон там высунулся...

Но Федя не видел верблюда:

— Просто кусок глины торчит.

Данилка с замирающим сердцем прошёл мимо неподвижного верблюда—да, это просто кусок глины. Зато на освещённой луной стене каньона Данилка отчётливо увидел фасад какого-то дома. Колонны по всему фасаду, крыльцо со ступеньками—только ступеньки осыпались. Окна с закрытыми ставнями, слепые окна. Подземный, заколдованный дом...

— Федь, а Федь, ты дом видишь?

— Где дом? Никакого дома. Просто водой размыло.

Федя не видел никакого дома. Но впереди за поворотом что-то густо чернело.

Федя поднял камень и бросил туда, где чернело. Камень прошуршал по сухой листве. Федя ободрился, прибавил шагу. Это камыши чернели за поворотом.

Совсем примолкли ребята, когда вступили в эти камыши. Высокие пушистые метёлки сомкнулись у них над голсовой. Федя и Данилка уже не дразнили друг друга и не спрашивали: боишься, не боишься,— они молча шагали, касаясь друг друга плечами. Они слушали, как трещат и шелестят у них под ногами жёсткие стволы и листва камышей.

— Скоро... пещера будет...—сказал Федя.

Хотел сказать «Ведьмина»—и не сказал. Раздвинул плечами камыши и пошёл дальше. Надо было идти. Не оставаться же здесь! А страх уже мало-помалу забирал его. Но Федя был крепкий, он терпел и ещё мог терпеть. И будет терпеть—но перед Данилкой не сознается.

А Данилке давно уже было не по себе. Он тревожно оглядывался по сторонам. Уйти бы отсюда, вскарабкаться по этим выступам наверх, в светлую долину, и бежать домой что есть мочи!

Но тогда, значит, правду сказал Федя, что его лечить нужно...

Снова узкий коридор. Заколдованный город остался позади. Тёмная стена заслонила проход.

— Пещера,—сказал негромко Федя и замедлил шаг.

Данилка подошёл к нему поближе. Замирая от страха, они тихонько шли к тёмной пещере.

Как-то так случилось, что над трещиной остался холм земли. Поток подмыл этот холм, прорвался сквозь него, и над руслом остался тяжёлый тёмный шатёр. Это и была Ведьмина пещера. Кто так назвал её в давнее время? Может, деревенские ребята, а может, пастухи.

Неслышно ступая, затаив дыхание, ребята вошли в пещеру. Из пролома сверху падали прямые лунные лучи. Они слегка освещали пещеру, но от этого света пещера казалась почему-то ещё страшнее. Что-то шевельнулось в тёмном углу. Данилка дрогнул и весь напрягся, готовый бежать. У Феде тоже холодок прошёл по спине. Он пристально взгляделся в угол. Две крохотные точки, будто бисеринки, светились оттуда.

— Глядит...—шепнул Данилка.

Федя шагнул к этим точкам. Из угла что-то еле слышно зашлёпало. Точки передвинулись...

— Ха!—сказал Федя.—Это жаба!

Данилка перевёл дух.

Это и в самом деле была жаба. Пробираясь по стеночке, срываясь с уступов, она торопилась убраться подобру-поздорову.

— Ну, вот тебе и Ведьмина пещера!—начал было Федя.—Ну и что? Жабы, и всё...

Вдруг Данилка дёрнул его за рукав. Кто-то, осторожно ступая, подходил с другой стороны к пещере. Мелкими шажками шёл кто-то, будто подкрадываясь: туп-туп-туп...

И тут ребята не выдержали. Они брызнули обратно по узкому руслу. Ничего не видя и не слыша, они мчались вперёд. Иногда пытались выбраться, карабкаясь на стену каньона, срывались, падали и опять бежали. Наконец нашли подходящее место, выбрались наверх и полетели, чуть касаясь земли, по серебряной полынной долине. Домой!

Там, где кончались каньоны, на дороге окликнул их верховой. Это был старый пастух Иван Никанорыч.

— Эй, ребята, далеко бегали?

Федя и Данилка сразу сбавили свой полёт, как бы приземлились, и пошли обыкновенным мальчишеским шагом. Тут уже бояться нечего—живой человек, свой человек с ними!

— А мы тут... по всей долине...—передохнув, сказал Федя.

— И по каньонам...—добавил Данилка.

— А не видали там ягнёнка?—спросил Иван Никанорыч.—Ягнёнка подпаски где-то оставили, ищи вот теперь! А где искать? На той ли горе, на этой ли?..

Федя и Данилка поглядели друг на друга.

— А!—весело сказал Данилка.—Да это ягнёнок был!

А Федя принял равнодушный вид.

— Я и так знал, что ягнёнок,—возразил он Данилке.—Поезжайте, дяденька Иван Никанорыч, к Ведьминой пещере, он там понизу ходит. Мы бы пригнали его, да ведь... да ведь...

Иван Никанорыч не стал ждать, когда Федя объяснит, почему они не пригнали ягнёнка. Он стегнул прутиком лошадь и рысью поехал к большому каньону.

А Федя и Данилка пошли домой.

— Значит, ты знал, что это ягнёнок?—лукаво спросил Данилка.

— Конечно, знал!—ответил Федя сердито.

Данилка засмеялся, но спорить не стал. И Федя не стал спорить. Только он с тех пор уже никогда больше не пытался лечить Данилку от трусости.

ФЕДИНА ТРЕВОГА

Каждый день в колхозе ждали: вот сегодня найдут воду! Уж невольно становилось жить. Скотина похудела, коровы стали давать меньше молока. Гуси и утки ходили встрепанные, запылённые какие-то. Овцы осипшими голосами блеяли у водоёма. Все просили: воды, воды, воды!

Воду привозили, делили по дворам. И коровам наливали, и лошадам, и овцам. Но мало было этой воды, не вволю, не досыта, а так, лишь бы протерпеть тяжёлое время.

Сергей Матвееч совсем замучился и почернел. С рассветом уходил он с бригадой в горы. Там бурили, тут бурили. Где-то здесь обязательно должна быть вода. А воды нет и нет.

Как-то вечером Федя прибежал к Данилке.

— Сергей Матвееч пришёл?—спросил он.

Данилка тяпкой рыхлил землю вокруг абрикосовых деревьев. Поливки почти никакой, иногда моют что-нибудь да выплеснут под деревья эту воду. А если разрыхлить землю, то всё-таки корням полегче.

— Нет ещё,—ответил Данилка, продолжая работать.

Федя сел на тёплый от солнца камень.

— Тогда подожду.

— А на что он тебе?—спросил Данилка.

— Нужно.

Данилка взглянул на Федю и опустил мотыгу.

— Ты что, заболел?

Федя сидел сумрачный, совсем расстроенный.

— Не заболел. Кабы заболел, то хорошо!

— А что же ты?

— Наши уезжать собираются.

Данилка даже и не понял сразу:

— Как—уезжать? Куда? На сколько?

— Ни на сколько.— Федя пожал плечами.— Совсем.

Данилка бросил мотыгу и подошёл к Феде:

— Совсем? Как совсем? Куда совсем?

— Ну, «куда, куда»! Известно куда—к отповой родне. На Орловщину.

— О-ёй!..

— Тётя Фрося всё зовёт и зовёт. Тут, говорит, без воды погрём.

А там воды много.

— А отец что?

— А отец говорит: «Ну что ж, соберёмся да поедем».

— А мать?

— Только мать не хочет.

— А может, мать переборет?

— Нет. Тётю Фросю разве переборешь?

Федя и Данилка пригорюнились.

«Из дому куда-то ехать...—думал Федя, а слёзы так и подступали к самому сердцу.—Тут все ребята... и море... и всё».

«Как же без Феде?—думал Данилка.—Все ребята здесь, а Феде не будет... И в доме на горе будут другие люди жить...»

— А вдруг да найдут воду,—сказал Данилка,—тогда что?

— Не знаю.—Федя как будто всхлипнул.—Не найдут, наверно!

Федя и Данилка, занятые горькими думами, тихо вышли из сада и уселись на крыльце.

— Что это вы так нахохлились?—спросила Данилкина мать.— Или натворили чего?

— Мы, мама, ничего не натворили,—ответил Данилка.—Мы Сергея Матвевича ждём.

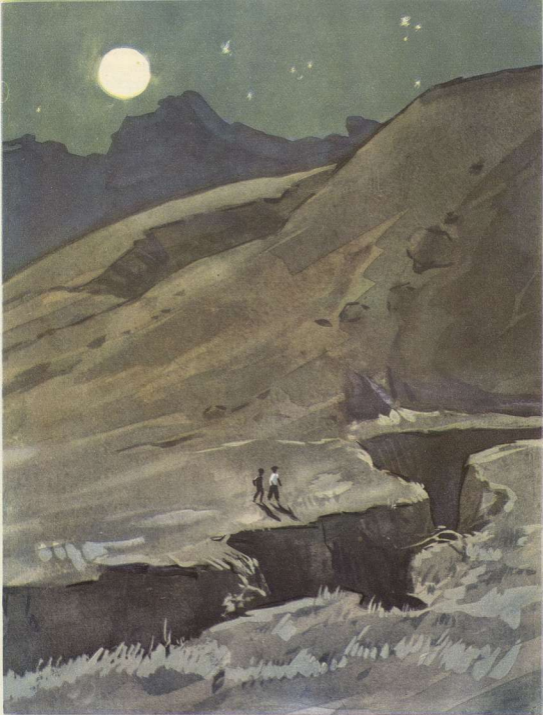
Наступила тьма. Во всём колхозе загорелись электрические лампочки, будто кто-то сразу бросил пригоршню огня в тёмную долину. Тут и пришёл Сергей Матвевич.

Ребята бросились ему навстречу:

— Ну что, Сергей Матвевич?

Сергей Матвевич поглядел на них усталыми глазами, приподнял брови, покачал головой:

— Пока ничего хорошего.

Ребята подошли к краю самого глубокого русла.

— Всё,— упавшим голосом сказал Федя.

И, не оборачиваясь, пошёл домой.

У Данилки зацемило под ложечкой. Он направился было следом за Феей, но мать сейчас же увидела.

— Куда это?— удивилась она.— Ночь на дворе. Неужели вам, ребята, дня не хватило? Иди-ка, Данилка, ужинать, да спать пора. Топчан по тебе скучает.

Медленным шагом шёл Федя по деревне. Ему домой даже идти не хотелось. Ну что там? Споры, брань. Мать плачет и тоже бранится.

«А может, отдумают?— прикидывал Федя.— Может, пока я ходил, отец послушался матери: «Зачем хозяйство разорять? Останемся. Пускай сестрица одна едет». Мать, ведь она тоже... бедовая. Она и отспорить может!»

Тишина стояла в колхозе. Только море шумело и шумело, словно баюкало землю.

«Не хочу уезжать...— всхлипнул Федя.— Не хочу, и всё!»

Он вошёл в дом и сразу понял, что надежды его не сбылись. Отец не послушался матери, но мать послушалась отца и тёти Фроси.

Все трое сидели за пустым столом и разговаривали. И такие у них были разговоры, что, видно, даже про ужин забыли.

— А гусей тоже с собой брать,—спрашивала мать,—или резать?
— Зачем же это резать?—возражала тётя Фрося.—Там река, выгон широкий, зелёный с весны до осени. Пустим—и будут ходить. Гусей довести нетрудно. В клетку—и всё.

— Моря жалко...—вдохнула мать.—Как же без моря? Ведь я здесь родилась. Всю жизнь на море..

— Ну, это пустое!—Отец махнул рукой.—Баловство. Что оно, твоё море-то? Утонуть можно, а напиться нельзя.

— Виноградники хороши...—опять вдохнула мать,—и дом у нас устроенный...

— Снова-здорово!—сердито сказала тётя Фрося.—Подумаешь, дом—из глины сбитый!.. Ужинать давайте. А то, пока посидим, ещё передумаем.

— А я не поеду,—вдруг заявил Федя.

— А тебя когда спросят, тогда ты ответишь,—сказал ему отец.—Пока ещё не спрашивали.

— Наймусь на птичник и буду работать,—проворчал Федя.

Но на него уже никто не обращал внимания. И отец и мать задумались. Только тётя Фрося весело хлопотала, собирая на стол.

— А вам, тётя Фрося, хочется, ну и ехали бы одни!—сказал Федя.—Зачем и приезжали только!

Но тут отец на него прикрикнул и хлопнул ладонью по столу:

— Это ещё что? Вишь ты, как разговорился со старшими!—И, вздохнув, добавил: — Да. Если б хоть вода была... А то где вот она? Ищут, ищут. Видно, всё-таки уходить придётся.

С тяжёлой душой улёгся Федя спать. Ему всё представлялось, как связывает мать узлы, как сажают гусей в большую клетку, как выносят из избы разные вещи и грузят в машину... Ребята в это время гурьбой бегут на море, синее море сверкает, плещется, зовёт... А он, Федя, стоит у машины! Сейчас сядет и уедет куда-то, и больше не будет его здесь, и не будет их дома. И Данилка выйдет на дорогу и только поглядит им вслед...

Тут у Феде опять закапали слёзы. Но он зажмурил глаза крепче и уткнулся в подушку.

Мать тоже долго не спала. Федя слышал, как она ворочалась на кровати.

— А корову как же?..—прошептала она.—Продавать?

— Не с собой же везти,—отозвалась тётя Фрося.—Что там, коров нету, что ли? Ведь её в корзину не посадишь.

— Хорошая коровка-то.

— И там не хуже. Там разве столько молока-то коровы дают? Там по ведру дают. Потому что пастбище там—трава по пояс.

Под этот шёпот Федя уснул и увидел во сне, как уводят со двора их маленькую красную коровку Зорьку.

«Не отдам корову!—воевал во сне Федя.—Буду на ферме работать! И Зорька пускай со мной! Не отдам, и всё!»

А у самого у сонного текли по щекам слёзы и мочили горячую подушку.

ДРУЗЬЯ РАССТАЮТСЯ

Как ни плакал Федя, как ни спорил с родными, по его не вышло.

Что было во сне, всё повторилось наяву. Отец съездил в Феодосию, взял билеты на поезд до самого города Орла.

— Собирайтесь,—сказал он матери и тётя Фросе и показал им билеты. А когда увидел, что Федя стоит тут же и глядит на него испуганными глазами, отец сказал:—И ты собирайся. Тоже небось какое добришко есть!

Отец уже не ходил на работу. Он разорвал свой дом. Снимал электрические провода, вывинчивал лампочки—на новом месте понадобятся. Отрывал замки от дверей и запоры у оконных рам—на новом месте пригодятся. Приглядывался, не содрать ли черепицу с крыши да увезти ли с собой. Может, там, на новом месте, дорого будет крыши крыть?

И мать перестала ходить на работу. Она то суетилась, собирала разные вещи, складывала что в ящик, что в чемодан, звонким голосом переговаривалась с тётя Фросей, а то вдруг садилась где попало и руки у неё опускались. Как бы хорошо ни было там, на Орловщине, а покидать свой дом человеку всегда тяжело...

Зато тётя Фрося будто лет на двадцать помолодела. Она и ящик

с посудой сама гвоздями забила. И большую клетку где-то добыла—гусей перевозить. И отцу указывала, что с собой взять, а чего брать не надо. И на мать покрикивала, чтобы не сидела сложа руки да не плакала—здесь в море и так солёной воды много!

А вечером пришёл Иван Никанорыч.

— Сами коровку приведёте ай мне согнать?—спросил он.

Федя и Данилка в это время спускались с горы. Федя как увидел около своего двора Ивана Никанорыча, так и бросился домой. Сердце у него защемило—пастух за Зорькой пришёл.

Мать молча надела Зорьке верёвку на рога и вывела её на дорогу.

— Не отдам Зорьку!—загомосил Федя и начал отнимать у матери верёвку.

Но Иван Никанорыч тихонько отстранил Федю, взял верёвку, намотал на руку и сказал:

— Не тужи, Федюнька. На новом месте у вас, глядишь, новая корова будет. А твою Зорьку я не обижу. Коровы все на колхозном дворе ей знакомые, вместе пасутся. Не ехать же ей с вами, сам посуди. Она уже привыкла польнь да колючки жевать, ей, пожалуй, на орловских лугах-то и скучно станет...

И повёл Зорьку по деревне, на колхозный двор. Федя ревел во весь голос. Данилка тоже хлопал рядом.

Федина мать молча смотрела вслед своей красной коровке. Мать уже не была весёлая и румяная, и глаза у неё не блестели. Она глядела до тех пор, пока Иван Никанорыч и Зорька не скрылись за поворотом. А потом вдруг села на каменную лесенку, которая поднималась к их дому, закрыла лицо руками и закачала головой:

— Ох, что же, что же мы наделали? Весь свой дом разорили!

А на другой день пришла к Бабкиным колхозная грузовая машина. И полчаса не простояла у двора—живо погрузились. Почти никто и не провожал Бабкиных: народ был на работе. Пришла только соседка Катерина да дедушка Трифонов. Да ребятишки со всего колхоза сбегались—и Петруша, и Тоня, и Васятка Тимаков...

Данилка был тут же. Он глядел, как грузят вещи, как ставят большую клетку с гусями, как поднимают в кузов ящики, чемоданы, узлы... Он стоял хмурый, взъерошенный и всё поджимал губы и сунул чёрные брови.

Федя стоял у машины. Он уже был какой-то чужой—в белой рубаш-

ке, в башмаках; в новой синей кепке. И ни на кого не глядел, только изредка вздыхал.

— Садись с матерью в кабину,—сказал Феде отец.— Прощайся с ребятами!

Но Федя не стал прощаться. Он засопел и полез в кузов, к отцу. Что ему в кабине делать? Оттуда ничего не видно.

Машина сразу тронулась. Федя вдруг испуганно вскинул глаза.

— Ребята, прощайте!—крикнул он.

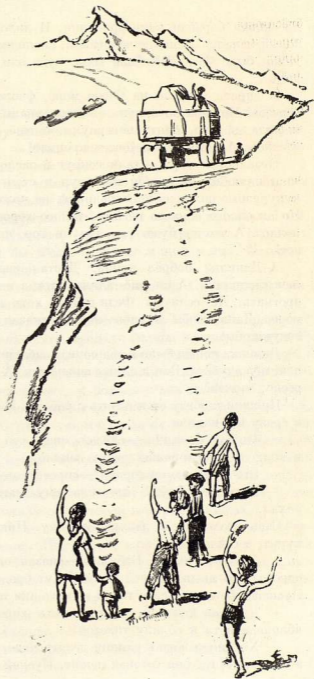
— Прощай!—дружно отозвались ребята.

— Данилка, прощай!—ещё раз крикнул Федя.

— Прощай...— еле слышно отозвался Данилка.

Но Федя его уже не слышал. Машина так зарычала, поднимаясь в гору, и подняла такую пыль, что сразу закрыла от него и ребят, и дома, и виноградники на ближних склонах...

Только горы видны были долго. И Теп-Сель, на котором, будто далёкая звёздочка, по-

блѣскивал барабан камнедробилки. И лиловый скалистый утѣс, который кажется Данилке человеком, сидящим на горе. И дольше всех видна была Феде Большая гора, куда они с Данилкой недавно ходили...

А справа глядело на Федю море, фиолетово-синее среди жѣлтых берегов. Машина повернула—жѣлтые увалы заслонили море. Машина прошла дальше, опять повернула—и ещё раз мигнуло море синим глазком. А потом уж и совсем пропало.

Незнакомые горы встали вокруг и заслонили всё, что до сих пор знал и любил Федя. Он вздохнул и стал глядеть по сторонам—на кукурузные поля, на виноградники, на колхозы, лежащие у дороги... Но ни одного колхоза не было такого хорошего и красивого, как их колхоз. А что же будет там, где ни гор, ни моря нету?.. И Данилки нет!

А Данилка побрѣл домой. Достал свои камни. Поглядел на свет сердолики. А он ещё злился тогда на Федю, хотел его со двора прогнать. Да если бы Федя сейчас хоть все его камни закинул в море, Данилка бы и слова ему не сказал и сердиться на него не подумал бы!

Данилка пошёл было в сад сорвать яблочко. Яблѣк сколько хочешь, рви, пожалуйста. Вон и сливы почернели. А что одному-то есть—интересно, что ли?

Пришли к обеду отец и мать с работы. Мать поглядела на Данилку и сразу всё поняла.

— Не горюй, сынок,—сказала она,—что ж теперь поделывать? У нас в колхозѣ ещё хороших ребят немало.

— Это о чём же он горюет?—спросил отец.

— Как же о чём?—ответила ему мать.—Дружок его сегодня уехал.

Отец нахмурился, закурил трубку. Никогда он перед обедом не курит, а сейчас закурил.

— Значит, уехали Бабкины,—сказал он.—Ну что ж, скатертью дорога. Эти люди по всей земле будут бродить, лёгкой жизни искать. Пускай себе едут—кому такие колхозники нужны?

— Да ведь каждому хочется жить хорошо,—сказала мать.—Вон яблонька и та к солнцу тянется.

— Хорошую жизнь самому делать надо,—сердито ответил отец,—а не искать, где она готовая лежит. Пускай едут!

В О Д А

Утром Данилка проснулся рано, на заре. И сразу вспомнил, что Феде уже нет. Федея уехал. — Мам,—сказал Данилка,—а пускай бы Федея у нас остался?

— Пускай бы,—ответила мать,—только разве он остался бы без матери? Вот ты без меня остался бы?

Данилка прикинул, подумал. Нет, он без матери не остался бы. И снова пригорюнился. Казалось—как хорошо придумал. Написать бы Феде письмо, пускай бы Федея вернулся и жил у них. А, оказывается, нет, плохо придумал.

Захлопал кнутом пастух. Мать выгнала корову. Стадо прошло мимо двора. Прошумела машина.

Данилка вскочил. Может, это машина обратно Бабкиных привезла? Может, Бабкины раздумали ехать, продали билеты и вернулись домой?

Данилка с разбегу распахнул скрипучую калитку и помчался к Бабкиным. Утреннее солнце косыми лучами осветило горы. Длинные тени тополей легли через дорогу, и дорога стала полосатой. Около Бабкиных, конечно, никакой машины не было. А дом их стоял пустой, с закрытыми ставнями. Словно закрыл глаза от печали и больше не хочет смотреть на белый свет. И только чёрный Валет сиротливо лежал у крыльца. Он, наверно, думал, что хозяева скоро вернуться. Он лишь мельком взглянул на Данилку и тут же снова уставился на дорогу, по которой вчера ушла машина. И всё глядел туда, не сводя глаз, будто боялся, что пропустит машину, на которой вернуться хозяева.

Данилка направился было обратно, домой. Но в это время случилось что-то необыкновенное. Под горой, в долинке, где на высоких деревянных ногах стоял бур, послышался какой-то шум, раздались весёлые крики. И вдруг выше горы, выше колхозных крыш, выше тополей взвилась мощная водяная струя. Она била вверх фонтаном, шумела, сверкала и густо рассыпала кругом крупный дождь.

— Ой!—взвизгнул Данилка.—Вода!

А по деревне уже бежал народ в долину, и все кричали:

— Вода! Вода! Вода!..

— Данилка, пойдём с нами!—крикнула Тоня Каштанова.

— Пойдём с нами, Данилка!—крикнули и другие ребята.

Им было жалко Данилку: ведь они знали, что он расстался со своим лучшим другом.

Данилка подбежал к ребятам, и они все вместе помчались в долину, где шумела вода. По колючкам бежали, по камням, по жёсткому щебню горной дороги.

Данилка не чувствовал ни колючек, ни щебня и ничего не видел. Он только видел, как бьёт в небо весёлая сверкающая струя, как рассыпается вокруг неё солнечный дождь и одна за другой вспыхивают маленькие радуги.

С криком и смехом ребята бросились прямо под шумящий фонтан, под этот весёлый дождь, и начали плясать, шлёпая босыми ногами по лужам. Колхозники смеялись, глядя на них. Да смеялись и просто так, глядя друг на друга,—уж очень большая радость была у них сегодня!

Улыбался и Сергей Матвейч. Наконец-то он добился, нашёл воду! Колхозники подходили, жали ему руку, благодарили. Тихон Иванович от радости не знал, что и сказать, только дёргал себя то за правый ус, то за левый. А телятница Анна как прибежала, так и бросилась Сергею Матвейчу на шею и крепко его поцеловала:

— Спасибо тебе, Сергей Матвейч! Спасибо тебе! И за себя и за телят спасибо!

Ребята, мокрые насквозь, плясали под густыми брызгами, скользили, падали, визжали, выбегали из-под дождя и снова лезли под дождь.

Вдруг Данилка остановился, перестал плясать.

— Вот и вода,—сказал он,—а Бабкины уехали...

Он вышел из-под фонтана, отошёл в сторонку, губы у него задрожали.

Мать увидела его, подошла к нему.

— Что, лягушонок болотный, застыл?—сказала она и вытерла своим фартуком Данилке лицо.—Беги домой, надень сухие штаны.

Но Данилка, ни слова не говоря, уткнулся в материн фартук и горько заплакал.

— Что ты, сынок?—испугалась мать.—Что ты?

— Мама,—еле выговорил Данилка,—вот она, вода-то, а чего же они уехали?

— Поторопились,—сказала мать,—зря уехали. Ну, ты не горюй так шибко, сынок. Слышишь, о чём вода шумит? Винограду будет

много в колхозе—вот о чём она шумит. Огород большой будет в долине, капуста будет у нас расти, помидоры, картошка!..

— И картошка?—переспросил Данилка.

— И картошка. Когда воды много, всё уродится.

Данилка больше ни о чём не стал спрашивать. Если бы тётка Фрося знала, что тут картошка уродится, она бы не стала звать на Орловщину. И Бабкины не уехали бы...

А что, если побежать сейчас в Феодосию? Может, Бабкины ещё там? Может, сидят на станции да ждут поезда?

Никто не видел, как ушёл Данилка. Он долго шёл по шоссе, до самого колхоза Вольного. В этот колхоз они с Федей и с Феединой матерью приходили за цыплятами для своей колхозной птицефермы. У них в колхозе куры простые, а здесь породистые, белые леггорны. А Феина мать ведь заведующая фермой была...

Данилка спустился в долину, полную виноградников и фруктовых садов. Подошёл к источнику. Источник окружали высокие серебристые тополя с гладкой зеленоватой корой.

Данилка успел уже высохнуть в дороге и вспотеть успел. Он напился, поплескал в лицо и на голову холодной водой и поспешил дальше.

Данилка вспомнил, что из колхоза Вольного через высокую гряду гор проходит тропочка в Феодосию. Федина мать показывала им эту тропочку. Если пойти напрямик через горы, то до Феодосии недалеко, всего километров восемь.

Данилка, остерегаясь чужих мальчишек и злых собак, пробрался по зелёным колхозным улицам к подножию жёлтой, опалённой солнцем горы. Стоял, глядел—где же та самая тропочка, по которой в Феодосию ходят?

И увидел! Вон она вьётся по горе, среди серых колючек. Данилка прибавил шагу и полез на гору.

Тишина стояла кругом. Незнакомые горы как бы с удивлением смотрели на Данилку. «Куда ползёт этот маленький человек?—словно думали они.—Куда ползёт эта козявка? Далека и пустынная дорога, нет на пути ни ручья, ни зелёного деревца. Только солнце палит горячими лучами, припекает нам, горам, каменные лбы...»

А Данилка шёл и всё думал: «А может, они ещё не уехали? Ведь они же не знают, что у нас теперь воды много и картошка тоже будет расти!»

Долго поднимался Данилка в гору. Вышел на вершину. Горячее каменное поле, широкое и пустое, открылось перед ним. Вольный ветер гулял здесь, наверху. Он трепал Данилкины волосы, поднимал вокруг него гремучие, как жёсть, жёлтые колючки и гнал их куда-то... И вдруг, словно стараясь показать свою силу, начинал толкать Данилку то в бок, то в спину, сбивал его с тропки. Как будто очень хотелось ему закружить Данилку вместе с колючками и понести по каменным увалам.

«А я приду и скажу им...—повторял про себя Данилка.—Только бы вот поезд не ушёл!»

От мысли, что поезд может уйти и Данилка не успеет задержать Бабкиных, у него вздрагивало сердце. И он ещё быстрее шагал по горячей тропинке.

Данилка не знал, сколько он прошёл, близко уже Феодосия или ещё далеко. Горы заслоняли от него весь мир.

Но вот и расступились горы, далёкое синее море взглянуло на Данилку. И там, на этом далёком берегу, Данилка увидел большой город...

— Феодосия!

По тропочке навстречу Данилке шли две женщины, повязанные яркими платками. За плечами они несли какие-то сумки—видно, ходили в Феодосию купить что-нибудь для хозяйства. Одну из них, смуглую, светлоглазую, в голубом платке, Данилка узнал. Это была птичница Ньюша из колхоза Вольного. У неё Федина мать брала цыплят.

— Это куда же направился, парень?—спросила Ньюша.—Неужто один идёшь?

— В Феодосию мне надо,—ответил Данилка и хотел пройти мимо. Но Ньюша задержала его:

— Это зачем же тебе, парень, в Феодосию понадобилось? Неужто мать послала?

— Надо мне,—повторил Данилка,—к поезду.

— К какому поезду?—удивилась Ньюша.—Уезжаешь ты, что ли?

— Эка, хватился!—сказала другая женщина, в красном полушалке.—Да поезд в шесть утра ушёл.

— Ушёл?..—прошптал Данилка.

Он поглядел ей в лицо. Загорелое, морщинистое было лицо у этой женщины, нос, будто луковица, лупился от солнца, из-под припухших век на Данилку глядели добрые коричневые глаза.

— Ушёл, ушёл поезд, жавороночек,—повторила женщина.—Ай родной кто уехал?

Данилка промолчал.

— Так что поворачивай обратно, парень,—сказала Ньюша.—Пойдём с нами.

И женщины пошли своей дорогой. Они спешили—время летом дорого.

Данилка не пошёл с ними. Он долго стоял и глядел на море, на большой город, на белые домики, толпившиеся на берегу... Из этого города проложены рельсы к далёкому городу Орлу, по ним сегодня утром ушёл туда поезд. Рано утром ушёл. В тот самый час, когда в долине из скважины хлынула вода.

Данилка постоял, постоял и побрёл обратно. Больше спешить было некуда. Он шёл и глядел, как ветер гоняет колючки по склонам гор, как взлетают над тропинкой и бегают по рыжей земле какие-то маленькие рыжие птички... И думал о том, что вот теперь-то он по-настоящему потерял своего друга Федю.

Но прежде чем спуститься с горы, Данилка взобрался на самую высокую вершину и, глядя в прозрачную синюю даль, крикнул: — Федя! Приезжай обратно!

Рыжая птичка что-то чирикнула ему в ответ. И что-то ветер прогудел, вырвавшись из ущелья. Но на этот раз Данилка не понял их языка и не расслышал, что они ему сказали.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Где они живут	3
Хамса	4
На горе Теп-Сель	10
Друг обиды не помнит	16
Буря	20
Данилка промахнулся	24
Вода ушла	29
Путешествие на Большую гору	32
Вода везде	36
Воды много, а нигде её не найдёшь	40
Оранжевый камушек	43
В горах	48
Самолёт прилетел в колхоз	52
Смельчаки	58
Федина тревога	63
Друзья расстаются	67
Вода	71

**ПРОЧИТАЙТЕ
ЭТИ КНИГИ
Л. ВОРОНКОВОЙ**

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЁК

Это повесть о маленькой девочке Тане и её друзьях, об их жизни в колхозе.

В этой повести вы встретитесь с бедовой курицей и озорным поросёнком, узнаете о том, как пропал и нашёлся Танин пирожок, как лохматый пёс Снежок утащил Танину куклу и о других приключениях маленькой Тани.

Вместе с Таней и её друзьями вы побываете в поле и на реке, а вечером слушаете сказки старого Таниного деда.

СНЕГ ИДЁТ

Вот и зима настала.

Как-то раз бабушка попросила Танию отнести матери в ригу завтрак—овсяный кисель. Таня и Алёнка отправились в путь.

А о том, что с ними случилось по дороге, вы узнаете, прочитав эту книгу.

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ

Танина бабушка выставила зимние рамы, дед перекапывает в палисаднике землю,— наступила весна.

Таня со своими друзьями снова отправляется в путешествие—на этот раз очень далёкое: они хотят увидеть море.

До моря друзья не добрались, но по пути увидели много интересного. Увидели

они, как строятся в их колхозе электрическая станция, как работает в поле трактор, нашли по дороге первые весенние цветы.

ПОДРУЖКИ ИДУТ В ШКОЛУ

В эту осень у Тани и Алёнки было очень много дел. Они побывали и на огороде, и в большом колхозном саду, и в риге. Помогли подружки и деду—сторожили с ним вместе колхозный хлеб.

Когда собирали в поле колоски, встретили ёжика и нашли пустое гнёздышко: птенцы уже все выросли и скоро улетят в тёплые края.

А Тане и Алёнке пора в школу, в первый класс.

Первый школьный день начался с весёлого приключения, но вы узнаете о нём, только дочитав книгу до самого конца. Потому что в школу Таня и Алёнка пошли в самой последней главе.

СИНЕЕ ОБЛАЧКО

В этой книге три рассказа: «Синее облачко», «Катины бусы» и «Живой фонарик».

Прочитав их, вы узнаете, где увидела синее облачко девочка Маша, какой живой фонарик нашёл Ваня и как отыскала свои красные бусы Катя.

МАША-РАСТЕРЯША

Жила-была девочка Маша. Она каждое утро опаздывала в детский сад. А почему? Об этом знали петух, и кошка, и Машина мама, и ребята из детского сада...

И вы об этом узнаете, когда прочитаете о приключениях «Маши-растеряши».

*Для старшего дошкольного
и младшего школьного возраста*

✱

Воронкова Любовь Фёдоровна
Ф Е Д Я И Д А Н И Л К А

Ответственный редактор Э. М. Эмден
Художественный редактор С. М. Алянский
Технический редактор Н. В. Сучкова
Корректоры Н. В. Белялова и
В. К. Мирингоф

✱

Сдано в набор 9/IV 1957 г. Подписано к печати
20/I 1958 г. Формат 84×108¹/₁₆—11 печ. л.—9,04
усл. печ. л. (5,55 уч.-изд. л.). Тираж 115 000 экз.
Цена 4 р. 85 к.
Детгиз, Москва, М. Чернасский пер., 1.

Отпечатано на 2-й фабрике детской книги
Детгиза Министерства Просвещения РСФСР,
Ленинград, 2-я Советская, 7 с матриц 16-й ти-
пографии Московского городского Совнархоза.
Москва, Трехпрудный пер., д. 9.
Знак № 221.

✱